ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

2/84
Февраль

РОВЕСНИК

JE VEUX DES BONBONS
PAS DES BOMBES

ISSN 0131—5994

ВСЕМИРНЫЙ

ЛЮБЛИН. Здесь прошел форум советской и польской молодежи «Защита мира и укрепление социализма — наш священный долг». Он завершился антивоенной манифестацией на территории бывшего гитлеровского концентрационного лагеря Майданек. У монумента погибшим узникам участники манифестации, посланцы Ленинского комсомола и польской молодежи и студентов, приняли обращение. В нем говорится: «Храня память о 20 миллионах советских людей и 6 миллионах поляков, погибших во второй мировой войне, мы призываем молодежь всех стран и континентов к решительной борьбе против развертывания гонки вооружений, за мир и разрядку».

ДАМАСК. Представители более 50 международных и национальных молодежных и студенческих организаций Европы, Азии, Африки и Латинской Америки приняли участие в состоявшемся в столице Сирии семинаре на тему «Наращивание империалистического военного присутствия на Ближнем Востоке — угроза миру и безопасности». Семинар был организован Международным союзом студентов, Всеобщей федерацией арабских студентов и Национальным союзом сирийских студентов.

МОНТЕВИДЕО. Более 40 тысяч человек вышли на улицы уругвайской столицы вопреки действующему в стране запрету на демонстрации. Военная диктатура практически полностью ликвидировала демократические свободы, растет безработица, инфляция достигла 55 процентов. Молодежь страны все более решительно выступает за восстановление демократии.

ЛИССАБОН. Массовые выступления протеста, в которых участвовало 500 тысяч человек, прошли в двадцати одном городе Португалии. Рабочие, студенты, молодежь выразили свое недовольство экономической и социальной политикой правительства, которая ведет к ликвидации завоеваний революции 1974 года. Манифестанты выступали против денационализации многих отраслей промышленности, против возврата их частному капиталу.

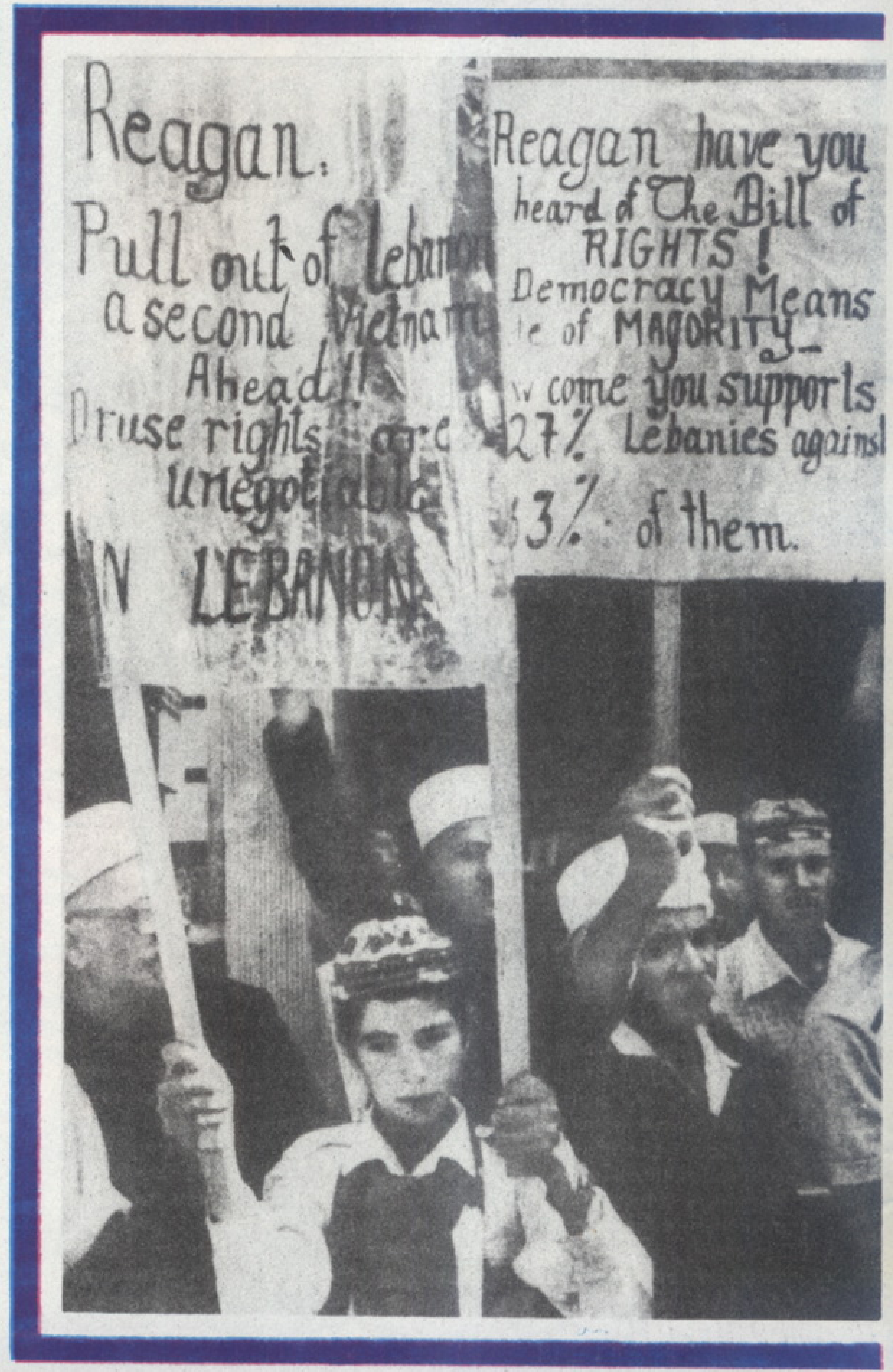
БЕРЛИН. Под лозунгом «За мир на Земле! Прочь ракеты НАТО!» по двадцати четырем городам ГДР прошло интернациональное концертное турне. Оно было организовано Центральным Советом Союза свободной немецкой молодежи по инициативе известного канадского певца Перри Фридмана. В концертных программах выступили певцы и композиторы из Италии и СССР, из ФРГ и Чехословакии, из ЮАР и ГДР. Перри Фридман сказал: «Появился новый вид народных песен — песни о мире... Наши песни принадлежат интернациональной семье людей, которые хотят бороться за мир, против атомной угрозы».

На снимке: сотни молодых берлинцев приветствуют песню о мире и присоединяют к голосу певца свои голоса.

КАБУЛ. Здесь в День молодежи прошел слет ударных бригад. Молодые афганцы обменялись опытом, поделились своими методами повышения производительности труда. Например, молодежная бригада нефтяников из провинции Джузджан на 150 процентов выполнила план буровых работ. Бригада строителей с Асадабадской ГЭС ежемесячно перевыполняет план монтажных, бетонных и плотницких работ. Члены этой бригады решили работать без выходных и по два часа в день сверхурочно, чтобы до срока ввести в строй необходимую республике ГЭС.

ТЕЛЬ-АВИВ. «Рейган, вы слышали, что есть Билль о правах человека?», «Рейган, вон из Ливана!» — написано на плакатах арабов, которых вы видите на снимке. Они пришли к зданию посольства США в столице Израиля, чтобы потребовать вывода из Ливана американских войск, прекращения американского вмешательства во внутриливанский конфликт. Демонстранты призывали остановить интервенцию США в Ливане, «не допустить возникновения еще одного Вьетнама».

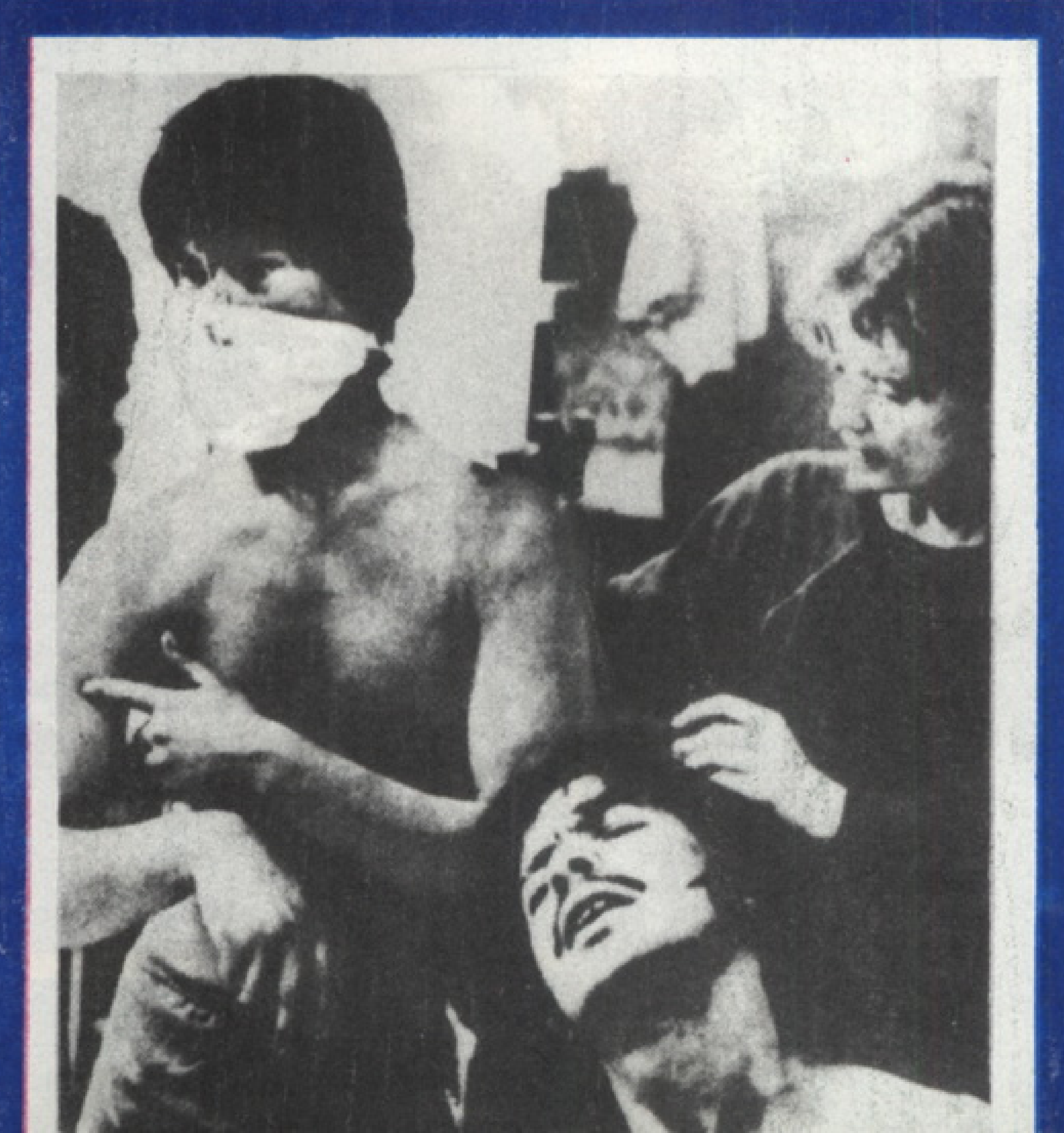

САНТЬЯГО. Каждую неделю из Чили поступают сообщения об участии молодежи и студентов в массовых акциях протеста против хунты Пиночета. Народ Чили все громче требует: «Хлеба, работы, свободы!» В стране с населением чуть больше 11 миллио-

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ

БУХАРЕСТ. Участники многотысячного Марша мира румынской молодежи приняли обращение к национальным и международным молодежным и детским организациям. Юноши и девушки Румынии призвали молодое поколение европейских государств включиться в борьбу за прекращение гонки вооружений, сохранение мира и обеспечение первейшего права народов на свободу и независимость, на жизнь.

НАСКА. Корреспондент чехословацкого журнала «Свет в образех» («Мир в иллюстрациях») побывал в этом древнем перуанском городе и сфотографировал детей (с н и м о к с л е в а) в одежде из тканей с традиционным орнаментом. Еще в XII веке до нашей эры в Паракасе и Наске начала развиваться культура Тихоокеанского побережья Южной Америки. В Бруклинском музее (США) хранится погребальная мантия, сотканная в Паракасе две тысячи лет назад. Искусство древнего ткачества можно встретить в этом районе Перу и в наши дни, его передают от бабушек к внучкам, а сейчас созданы специальные курсы, где молодежь постигает тайны мастерства. Ткани из шерсти и хлопка, которые делают в Наске и Паракасе, не пропускают дождь и ветер, удивительно прочны и под палящим солнцем сохраняют яркость красок.

нов — миллион безработных, пропасть между богатством и нищетой продолжает расти — чилийский генерал получает в 260 раз больше разнорабочего; внешний долг приближается к 50 миллиардам долларов. «При правительстве Сальвадора Альенде люди разговаривали дома, на улице в полный голос,— вспоминают чилийцы,— теперь они боятся шпионов. Хунта стремится убить в нас способность к диалогу, дружескому общению, вообще к разговору». Но тщетно. После десяти лет правления Пиночета молчание взорвалось протестом сотен тысяч.

Н а с н и м к е: хунта Пиночета ведет войну против собственного народа, в этой войне есть раненые, есть и убитые. Но репрессии и насилие уже не заставят народ замолчать.

АДДИС-АБЕБА. Численность Ассоциации молодежи революционной Эфиопии (АМРЭ) достигла четырех миллионов. Более 20 тысяч первичных организаций АМРЭ действуют сегодня практически на всех промышленных предприятиях, в учебных и государственных учреждениях, сельскохозяйственных кооперативах и на государственных фермах.

АЛЖИР. Одна из молодежных строек Алжира — поселок Айн-Шамс, что в переводе с арабского означает «глаз солнца». Возле строительной площадки на большом щите надпись: «Здесь строится город будущего, работающий и живущий на солнечной энергии». Все оборудование для этой стройки изготовлено на национальных предприятиях.

ТЕЛЕГРАФ

Порты Греции, Мальты, Испании, Португалии, Франции, ФРГ, Дании принимали осенью прошлого года белоснежный теплоход «Лев Толстой», совершавший Круиз мира, организованный по инициативе Всемирной федерации демократической молодежи (ВФДМ). На борту теплохода — свыше трехсот молодых борцов за мир из 20 стран, у причалов — их единомышленники и друзья, люди разных возрастов, профессий и общественного положения, объединенные общей заботой сохранения мира от страшной катастрофы ядерной войны.

На снимках этого разворота — встречи корабля мира в портах Европы.

CJC

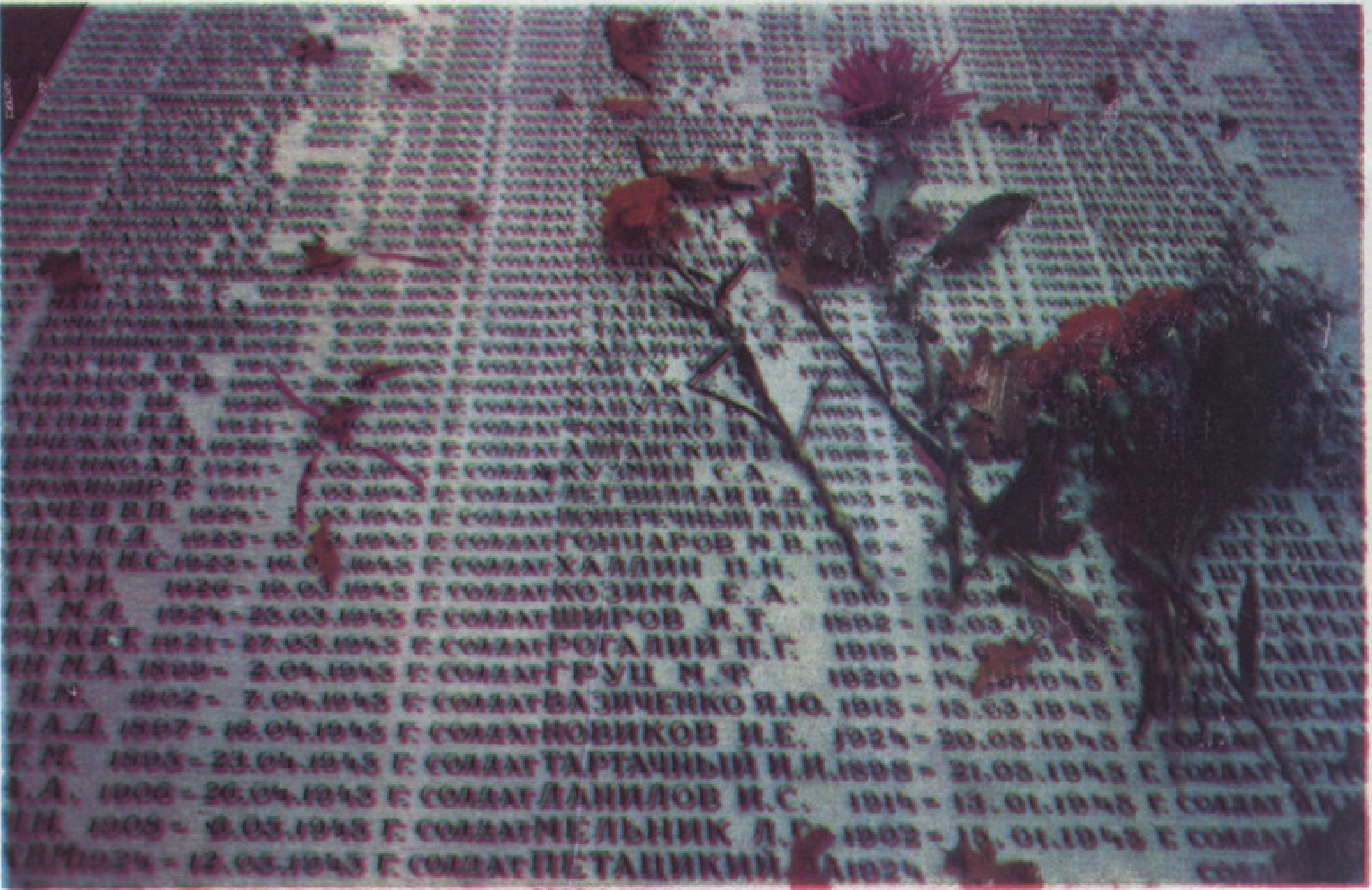
КТО ТЫ БЫЛ, СОЛДАТ ВОЛОДЯ?

Комсомол горячо поддерживает предложение братских союзов молодежи социалистических стран о проведении в 1982—1985 годах международной эстафеты патриотических дел «Память».

XIX съезд ВЛКСМ

Нина ЧУГУНОВА, наш спец. корр.
Тибор ШЕБЕШ (фото), венгерский журналист

...Тридцатьчетверка на постаменте — это, может быть, самый сто́ящий памятник тем, кто в тридцатьчетверках горел. Есть бронзовые танки и бронзовые фигуры солдат с четкими лицами героев, как они нам представляются сейчас. Но все-таки тем, кто там был и не вернулся, лучший памятник — тридцатьчетверка на постаменте, товарищ, с которым вместе горели в бою. Так потому, что в ней, военной, поцарапанной, мужественной машине,— живая память. И она оттуда, от них, от тех, которым мы сегодня ставим памятники и всю жизнь будем ставить, придавая их чертам геройское выражение. Да, наша жизнь — единственный памятник, ради которого они готовы были умереть. Но вот несгоревший танк пришел с войны, и теперь он — необходимая часть нашей живой жизни, теряющей смысл, если потеряна память...

В Венгрии они есть тоже. Освобождение Венгрии ведь начинали танкисты и те, кто на танковой голой броне лежал в маскировочном халате с автоматом,— десант. Так, город Дебрецен, приграничный и отдаленный от столицы Будапешта, был освобожден силами танковых частей. Школьник из города Дебрецена сказал нам, что, по его мнению, Дебрецен освобождали войска Второго, Третьего и Четвертого Украинских фронтов. Но, предупредил этот школьник по имени Атилла Януш из восьмого класса, что может и ошибиться, запамятовать. Собственно говоря, памяти о войне, которая есть у Атиллы и его друзей, эти заметки и посвящены — для начала лишь немного рассуждений. Итак, город освобождали танкисты и те, кто был на танковой броне. Танки прошли по бывшей улице Рынка. Это сейчас улица Красной Армии. В городе мы не говорили с очевидцами того, как наши танки прошли по бывшей улице Рынка. Но ведь достаточно того, что каждый ребенок в городе знает, по какой улице прошли танки, а подробности скорее всего и неважны. Например, взрывалась ли под гусеницами мостовая? Да какая разница! Время сохранило старое название, а потомки очевидцев поставили памятник танку, из которого наполовину высунулся танкист, откинув крышку люка: победа! Такой памятник придуман и поставлен. Но неподалеку от Дебрецена, там, где была настоящая танковая битва, стоит тридцатьчетверка на постаменте, отмечающая теперь место, где победа совершалась со смертями. Об этом сражении тоже все знают, и в разговоре с нами две девочки старались представить, каким оно было, но не смогли, а только поняли, что это было страшно. Мы, когда ехали в Дебрецен, видели тридцатьчетверку — маленькую машину по сравнению с памятниками, сделанными из дорогого мате-

риала,— и обернулись все, кроме, конечно, водителя, потому что не обернуться нельзя: такой памятник, повторяю, сильно действует на душу. Возникает ощущение, как будто стараешься припомнить... Во всех нас есть такая память.

Как память передается?

У автора заметок есть мнение, что память передается от человека к человеку только тогда, когда она живая. В противном случае это будет не память, а знание, которое почерпывается из книг и учебников, не оживая в душе. Такое знание делает честь эрудиту, но оно мертво и не наследуется.

Живая память — это результат сосредоточенности новых поколений в размышлении над тем, что происходило до них, над тем, чему и, главное, кому наше сегодня и наше будущее обязаны тем, что они есть и будут.

Например, отец другого школьника, с которым мы разговаривали, Томаша Надя, во время войны был очень маленький, и отец от войны в свою память взял лишь то, как он с другими мальчишками играл отстрелянными пулями и частями какого-то самолета, разбитого в воздухе над деревней. Он жил в деревне. Деревню освободили советские солдаты и ушли дальше. Маленький мальчик играл пулями, которые уже были отстреляны, и вокруг него все уже было тихо, а в районе Балатона, Дебрецена, Будапешта, в других населенных пунктах данной территории, еще занятой фашистами, шли бои, и потом людей хоронили в общих могилах... и только после войны нашлось золото для необходимых для нас, а не для тех, кто в танках горел, слов.

Ничего этого не мог видеть отец Томаша Надя. Ничего этого не мог видеть и Томаш Надь, старательный ученик специальной школы с уклоном физического воспитания. Но Томаш Надь сейчас много думает о войне. Почему?

Во-первых, ему была передана живая память о войне. Отец ее не видел, но после войны он отучился в школе и приехал в давно освобожденный Дебрецен, чтобы учиться в университете, и он отучился и в университете, стал специалистом по русской филологии. Всего этого он добился уже после освобождения. И понимание этого он, очевидно, сумел передать сыну, который даже отстрелянной пули в глаза не видел,— и Томаш Надь, его сын, оказался способен к памяти, которую ему прививали. Размышляя о войне, он прежде всего пришел к выводу, что, даже и не видя войны — по судьбе,— он имеет право судить о ней и пытаться составить верное, справедливое мнение. Эти его слова будут приведены ниже, в записи беседы со школьниками города Дебрецена. Но их важно привести и сейчас, потому что они позволяют понять главное в тех, для кого военная память — живая память. Главное в таких людях (хотя они дети, их уже можно называть людьми выросшими) то, что они участвуют в памяти.

В Будапеште у нас была встреча в руководстве Союза венгерских пионеров. Заведующий отделом внешних связей, молодой человек по имени Лайош Демчак начал разговор с того, что он не станет приводить нам общие цифры и данные, характеризующие работу союза в рамках акции «Память». Возможно, что общих цифр и нет, сказал Лайош Демчак. Скорее всего такие цифры появятся спустя некоторое время, но сейчас и до этого в них нет и не было пока необходимости. Несмотря на это, о работе венгерских пионеров, связанной с этой акцией, можно рассказать. Так мы в разговоре обошлись без цифр. Зато Лайош рассказал, каковы главные цели и каковы главные формы работы пионеров. Цель, конечно, воспитание гражданина социалистического общества. Гражданин социалистического общества обязан знать его историю, чтобы вскоре начать участвовать в ней. В «Двенадцати пунктах пионеров», которыми венгерские пионеры должны руководствоваться в своей жизни, сказано о том, что пионер укрепляет дружбу между народами, старается узнать мир — он живет так, чтобы стать достойным принятия в члены Венгерского коммунистического союза молодежи. Именно потому, что пятьсот тысяч венгерских пионеров— это будущие комсомольцы, разговор о ведении акции «Память» надо начинать с них, с пионеров, кому до четырнадцати.

23 февраля — День Советской Армии и Военно-Морского Флота

А что касается основных форм работы и участия пионеров в акции «Память», то, кратко их перечислив, Лайош предложил побывать в одной будапештской школе с тем, чтобы сами ребята рассказали о своей работе. Мы так и сделали.

Сейчас мы в школе Будапешта. Пионерская дружина ее носит имя венгерского героя Дежу Бокани. Дежу Бокани, борец за свободную социалистическую Венгрию, похоронен в будапештском Пантеоне рабочего движения. В школу приезжала дочь Бокани Эмма, которая живет в Москве на Балаклавском проспекте. С тех пор в школу приходят открытки. Об этом рассказали шестиклассники Иван Надь, Каталин Кёвешди, Чилла Немеш и Андреа Куремски. Открытки, которые шлет каждый отряд в канун праздников, часто имеют адрес — Советский Союз. Потому что адресаты — это семьи тех, за могилами которых ухаживает отряд.

Недалеко от школы находится могила советского солдата Алексея Михина. Долгое время об Алексее Михине ничего не было известно и была только его фотография. Рассказывает Иван Надь:

— Я был еще маленьким, но помню, как приезжал к нам в школу брат Алексея Михина Михаил. Это был седой человек. Я всегда думал, что его брат Алексей, похороненный в военной могиле,— это добрый и веселый человек. Такая у него была фотография. И то же рассказал и его брат Михаил. Наш класс, когда мы подросли, получил поручение от тех, кто уже заканчивал школу, ухаживать за могилой капитана Козырова. Такой порядок в школе, чтобы ни одна могила советского солдата, которая находится в районе действий пионерской дружины, не оставалась без заботы. Забота у нас простая: мы следим, чтобы вокруг было чисто и чтобы были свежие цветы. А во время праздников мы проводим около памятника нашему бойцу торжественный сбор. О капитане Козырове известно лишь то, что он был командир танка и остановил немецкие танки, прорвав линию их обороны. Погибли капитан и его танкисты, потеснившие врагов. Их похоронили в общей могиле, и до сих пор осталась надпись: «Неизвестному солдату». Потому что тем, кто хоронил нашего капитана Козырова, капитан и кто с ним горел, были незнакомы. И когда прошло много лет после войны, оказалось, что никто не знает, кто похоронен в этой могиле, и, значит, никто не знает, где похоронен капитан Козыров. (Когда разыскался брат Алексея Михина, то он привез от родного дома горсть земли, которую ему дала их мать...)

А рядом с капитаном похоронили молодую радистку Юлию Гончарову, которой было всего восемнадцать лет и которую тоже никто из поднявших ее с земли не знал...

Все-таки нашлись их имена! Их нам передали из Общества венгеро-советской дружбы. Передала их нам Магда Кайса Палне, которая дружит с нашей пионерской дружи-

ной, помогает нам в нашей работе. Если бы не Магда и ее товарищи по работе, мы бы не знали о капитане Козырове и Юлии Гончаровой. А теперь мы знаем, хотя и немного. И надпись «Неизвестному солдату» уже не кажется нам такой печальной, потому что не все остались неизвестны. Со временем, наверное, отыщутся другие имена.

— Нужно ли вспоминать войну? — спросили мы Ивана, Чиллу, Каталин и ту девочку, которую зовут Андреа.

Иван сказал:

— Надо вспоминать не войну, а их — Козырова, Юлию и всех, кто погиб. Просто вспоминать войну невозможно. Как? — мы ее не видели и не знаем.

Чилла сказала:

— А Ленинград? Там люди совершили подвиг тем, что просто пережили войну. Значит, нужно их тоже вспоминать.

А Иван думал раньше, что только тем, кто был в бою, было страшно и тяжело.

А вот что рассказала Андреа:

— Моя бабушка о войне мне рассказала, что был страшный грохот пушек, а люди сидели все в подвалах и боялись, что в подвал попадет бомба или граната, и они только молились богу, чтобы остаться живыми, а что происходило наверху?.. Когда не стреляли, было голодно и холодно. Так люди жили и ждали конца войны или конца жизни. А над ними проходили танки.

А вот что сказала Каталин:

— У нас все время о войне вспоминается так, что советский народ встал на ноги и от стен Москвы прогнал фашистов до Берлина. Конечно, это так и было, и все дело именно в советском народе. Главной силой в победе была его сила и еще то, что, мне кажется, лучше всего назвать национальной гордостью. Ведь почему началась война?

Ей ответил Иван:

— Я думаю, что война началась оттого, что фашисты нуждались в войне. Война не начинается, если в ней никто не заинтересован.

— Да, — сказала Каталин,— но было еще и то, что фашисты, ставшие во главе государства и немецкого народа, сумели внушить немецкому народу мысль о его отличии от других народов, и этот народ был уже в полной власти тех, кому война была нужна. И началась война, несмотря на то, что против нее боролись лучшие люди того же немецкого народа. Но почему закончилась война?

— Потому что погибли Михин, и Козыров, и миллионы людей,— ответили на вопрос Каталин остальные.

— Конечно, — согласилась Каталин,— а главным было то, что у другого народа, поднявшегося против войны, а из этого народа были Козыров и Юлия, хватило силы возненавидеть войну каждой душой. Поэтому каждый памятник советскому солдату у нас в Венгрии и по всей Европе — это памятник не одному солдату и не «Неизвестному солдату», а памятник народу и всем тем, кто погиб под Смоленском и под Сталинградом и умер от голода в блокаде. Многим людям спасена жизнь так, что они не знали, как она спасалась и когда ради них кто-то погиб. Многие люди сидели в подвалах или под домами в то время, когда горели танки. Они ждали смерти или жизни, а кто-то специально шел на свою смерть ради их жизни. Многие люди не могут указать своего спасителя и не могут прийти к семье своего спасителя и поклониться. Потому что спасение миллионов совершено безымянными, неизвестными для них.

Иван сказал, что недавно он посмотрел фильм о войне и еще он смотрел многосерийный фильм, который назывался «Где-то в Европе», там показана вся война. Оказалось, что все смотрели многосерийный фильм о войне и все согласны, что документальные фильмы о войне важнее, потому что там — правда и видны те люди, которые воевали, и видно, какие они были, а те фильмы, которые снимались потом, представляют нам только свое представление о тех людях.

— Зачем нужно вспоминать войну? — спросили мы ребят.

Действительно: война уходит все дальше и многие подробности боев стираются,— так скоро забудется все о войне, и люди будут знать лишь то, что она была?

Андреа сказала, что это судьба всех войн. Да, может быть, нужно все забыть. Была — теперь ее нет.

Но Чилла тут вступила в разговор, и ее стал слушать и подошедший учитель.

— Война легко была бы забыта, если бы не было опасности новой войны. Но если сейчас люди начинают стремиться забыть войну и ее ужасы, то увеличивается опасность войны. Иногда мне кажется даже, что война может начаться в любую минуту. Тогда я живу в страхе и думаю, что только одна я знаю, как страшно ждать войну, и что только я одна знаю, что война все равно будет. Но потом это проходит, и я забываю обо всем, и не знаю, когда я была больше права: когда боялась или когда веселилась забыв. Все говорят, что война была страшным уроком для человечества. Но уже сейчас есть люди, которым война была бы выгодна. Идет сильная гонка вооружений. Советский Союз и другие социалистические страны выступают против войны, но подготовка к войне все равно идет. Именно поэтому надо много говорить о прошедшей войне и о ее жертвах, чтобы показать опасность новой войны. И нельзя полагаться на один Советский Союз только потому, что его народ, так много испытавший в войне, не допустит новой. Надо всем. Тогда, когда советские солдаты пересекли нашу границу и покинули свою Родину, сражаясь с фашистами, они уже не думали только о своей Родине и только о своей семье. У многих к тому времени и семьи своей не осталось, только ненавистью к войне они держались в бою. Я читала, как пострадал Сталинград, как были разрушены села, как была испорчена земля... Но люди в сорок четвертом думали уже о том, чтобы уничтожить фашизм вообще, чтобы никогда больше он не возродился, не усилился, не поднял голову, чтобы никогда больше никакой народ не позволил никому задурить ему голову и внушить мысль о превосходстве. Вот о чем думали люди, и они верили, что мы будем лучше, и честнее, и мужественнее, и сильнее их, и сумеем бороться. Ведь солдаты не были солдатами, а стали.

— Что же мы видим теперь? — продолжала эта умная девочка.— Мы видим, что фашизм поднял голову. Это общая вина перед теми, кто погиб. Но нельзя допустить, чтобы солдаты, погибшие в той войне, погибли зря. Нельзя, чтобы вышло, что они никого не спасли и не защитили мир, потому что новые люди не сумели его сохранить. Поэтому надо говорить о героизме и о жертвах.

— Жалко,— опять сказал Иван Надь,— что я мало помню из того, что говорил Михаил Михин. Какие они были?

— Наверное,— подумала вслух Андреа,— они были как мы. Они любили грозу, и лето, и снег, и желтые деревья, и лошадей, и прыгать с высоких крыш в сено, а когда вырастали, превращались в шутливых взрослых.

— Неужели, — спросила сама себя Чилла,— неужели я смогла бы любить других людей так сильно, чтобы умереть за них в восемнадцать лет, как умерла радистка Юлия, не зная, что мы принесем ей цветы, и не думая о цветах вообще?

Мы ехали в Дебрецен. Мы ехали по хорошей дороге, а по краям дороги стояли хорошие дома с хорошими, ясными окнами, и появилось тучное стадо, и разного цвета поля стали листаться, как страницы веселой книги с картинками, и проехал велосипедист, завязавший штанину на правой ноге, чтобы она не попала в велосипедную цепь. И в городках, через которые быстро ехала наша машина, было тоже чисто, и хлопали двери, и бегали дети... и тут на дороге, на обочине, появился танк. Он будто выскочил на обочину, пыльный.

Это был тот танк, о котором написано в начале заметок. Танк о т т у д а. Он пришел живой из времени, когда земля не была хорошей, а воздух был пороховой, а не простой дымный, оттого что листья жгут... Мы все повернулись к нему, потому что он не памятник, а память. Его броня, как кожа, дышит. Жив ли твой эпипаж, товарищ Т?

Следов войны в Дебрецене мы не увидели. Наверное, их вовсе нет. Вокруг памятника, на котором изображен танкист, открывший крышку люка, ровно подстриженная трава. С весны сорок пятого надо было венграм много строить и быстрее начинать жизнь. С того времени все следы успели стереться.

В школе, в которой учится Томаш Надь с товарищами, была перемена погромче

наших и стоял вечный булочный запах буфета. Здесь мы познакомились с Томашем и узнали о том, какой увидел войну его отец. Также мы познакомились с Атиллой Янушем, который прошлым летом перестал бояться грозы после того, как в деревне во время очень сильной грозы перед ним упало огромное дерево и получилось так, что Атилла не успел испугаться, а когда прошло, он понял, что не будет бояться никогда. Здесь же мы увиделись с сестрами Домони, Ондраж и Ренатой. Одна из них боится собак, потому что в детстве одна собака налаяла ей в ухо, а другая любит кошек. Но и первая любит кошек, а также терпит одну собаку, которую зовут Чапи. Все, с кем мы познакомились, любят спорт, потому что школа, в которой они учатся, со спортивным уклоном. Также многие любят учиться. И конечно, они любят кино. Эти ребята ничем не отличаются от остальных. Мы так и хотели — найти обыкновенных ребят, чтобы узнать, что они думают о далеком времени и жива ли в них память о солдатах, погибших за Дебрецен осенью сорок четвертого.

Память жива! Атилла, Томаш, девочки Домони рассказали, как был освобожден город, по какой улице прошли советские танки и в какой опасности находилось долгое время население города и как, наконец, город был освобожден одним из первых в Венгрии и в Дебрецене образовалось правительство будущей республики, потому что многие вопросы будущей жизни надо было решать скорее, несмотря на то, что столица, Будапешт, находилась еще в руках врагов.

— Сколько погибло солдат в боях за Дебрецен? — спросили мы.

Точную цифру никто не назвал. Сказали, что очень много.

— Что вам рассказывают о войне дома?

Вот что рассказала Рената Домони:

— Я знаю от бабушки, что многие люди пережили войну, не слыша бомб. Мой отец, и дед, и бабушка, и мама — все родились в Сорвуже. Наша бабушка не начала еще рассказывать нам с Ондраж про войну, она считает, что мы должны подрасти до лета, чтобы запомнить все, что она будет нам рассказывать. Но я знаю, что наш дедушка воевал и теперь его фамилия есть на памятнике в Сорвуже. Мне всегда казалось, что этот памятник советским танкистам, но там есть и венгерские имена. Когда мы приезжаем с мамой в Сорвуж, то всегда несем к памятнику цветы. Так было с того времени, как я только себя помню. Я спросила у мамы, откуда еще цветы у памятника. Мама сказала, что это не только от тех, у кого погибли дедушки, но от всех, кто радуется свободе. Я думала о том, как можно радоваться свободе, если свобода была всегда. Радуются сильно только тому, чего долго не было, а хотелось, и вдруг тебе приносят именно это. Мама сказала, что я обязательно это пойму сама, надо только думать. Я думаю. Пока я пришла к мысли, что это должна быть какая-то особенная радость. Но я видела, как радовались люди свободе сразу после войны, как они бежали навстречу друг другу, как они обнимались, как смеялись и плакали. Все это я видела в кино и знаю, что так было в разных странах. Конечно, те, кто воевал, были героями, если люди так плакали от счастья, встречая их.

Томаш Надь сказал Ренате, что «радоваться» — это значит думать о том, какой ты есть человек, но Рената не поняла еще.

— Было ли с вами когда-нибудь такое, что можно назвать «встречей с прошлым»?

— Недавно, — рассказала Андреа,— мы всем классом опять ходили к памятнику советским солдатам. Так делают постоянно все классы. Они покупают цветы и кладут у памятника в дни праздников. На этот раз мы пошли не к известному памятнику танкистам, а пошли на городское кладбище, где есть много могил советским солдатам. Там есть и общий памятник со звездой. Как обычно, мы взяли немного денег из общей классной кассы, которую держим на случай общих трат на бумагу или подарки, а потом докладываем деньги, когда заработаем. Я думаю, что у нас в тот день было восемьдесят форинтов, и на эти восемьдесят форинтов мы купили хороших красных гвоздик и пошли на кладбище с учителем венгерской литературы, а цветы нес кто-то один из нашего класса, потому что цветов получилось не так уж и много, одному нести можно. Мы шли строем. Мы зашли на кладбище и тут не знали, как идти дальше. Кто-то сказал, что надо просто идти, и смотреть, и читать, и если найдем могилу солдата, то тут же и положим один цветок, потому что общая могила, братская, всегда в цветах, а к одиноким, наверное, мало ходят. Так мы и сделали, и стали ходить, опустив голову, и класть цветы и так разложили все, казалось, что всем хватило цветов, но мне показалось, что мы нашли не всех. Был очень грустный день, почти дождливый... мы ходили, наклонив голову, и мне захотелось заплакать, потому что мне вдруг показалось, что я ищу кого-то из своих. Я представила, как приезжает родня, и ходит по кладбищу, и ищет родное имя, и не находит, и читает, и читает имена... Мы все имена читали, и так у меня спуталось в памяти много русских фамилий и дат рождений, а год смерти у всех почти один. Я заплакала, когда увидела плиту без фамилии. Я и раньше слышала и читала такие слова — «Неизвестный солдат»,— но для меня это звучало торжественно всегда, символично. Так, будто никто не похоронен, а лишь есть место для почестей, которые отдаются всем. Я знаю пышные могилы неизвестному солдату. А здесь была не пышная. Могила была простая и затерянная. Будто не было имени у человека. Человек погиб неизвестным. Кому-то он рассказывал о себе, конечно. Кого-то он любил. Но и тот, кому рассказывал, погиб, наверное. И те, кого он любил, не знают о нем ничего. Я ничем не могу им помочь!

...И мы пошли туда, где лежал неизвестный солдат, и, как Андреа, ходили между плит и читали надписи. И тут мы видим: «Солдат Володя». И все, только военная дата гибели. Просто неизвестный солдат Володя. А кто он был, солдат Володя? Пришел ли он из деревни под Воронежем или он был ленинградский? И первого ли призыва или молодой, как положенный рядом с ним солдат Царев двадцать восьмого года рождения и тоже неизвестный, потому что нет его имени на плите? И любил ли, верил ли в жизнь?

Любил, верил, конечно. Золото на буквы нашлось после войны. Солдат погиб, но бои еще шли. Он мог бы остаться живым и рассказать через много лет своим внукам и внукам тех, кого он спас, как он шел по незнакомому пороховому, смертельно опасному городу и открывал дверь в подвал, а из подвала кричали: «Мы мадьяры!», то есть здесь не фашисты, а мирные люди, он тогда закрывал дверь над мирными людьми, чтобы они еще потерпели пока, посидели там в темноте, пока не стихнет, а сам шел, бежал дальше, пригибаясь, как научился на этой последней своей войне, и стрелял, берег мадьяров, как они себя называли, а себя не берег...

И как он ахнул, увидев Тису.

И как из рук венгра взял предложенный ему на дорогу по-венгерски печенный хлеб, и, радуясь, понюхал его знакомый живой и теплый запах, и сказал венгру о великой общности хлебов, и как венгр не понял сказанных ему слов, а уловил главный смысл всего.

Я это знаю, потому что мой дед жив!

...И как погиб рядом с ним солдат, переставший носить в сорок четвертом смертельный, всеми не любимый и напоминающий о близости смерти, но обязательный металлический цилиндрик со своей фамилией и куда в случае смерти написать, и стал так мгновенно на века Неизвестным, чтобы девочка, не умеющая плакать, Андреа пришла и захотела плакать над ним, сама удивляясь своим чувствам, и потом пошла по своим делам вместе с другими девочками и мальчиками, а жизнь бежала впереди них, как верная собака, как веселый рассказ, как выполненное обещание, данное много лет назад Неизвестными, отвергнувшими смерть.

— Необязательно что-то пережить, чтобы потом верно судить,— сказал Томаш.— Я вот много думаю о войне...

Будапешт — Дебрецен — Москва

■

Вряд ли найдется другая такая страна на свете, где претенденту на пути к Олимпу власти приходится так изрядно попотеть, как в США. Каждые четыре года на старт традиционного предвыборного марафона выходят честолюбивые соискатели. Тернист их путь. Зигзаги фортуны, коварные происки конкурентов, пьянящие мимолетные успехи и тяжелая горечь поражений поджидают их. Но претенденты — парни не робкого десятка. Хоть путь далек и полон разочарований, с каждым разом забег становится все более массовым. Вот и сейчас мое сердце с теми, кто, надев гладиаторские доспехи, выходит на арену этого гигантского цирка величиной с Соединенные Штаты Америки под оглушительный свист и приветственные вопли плебса, чтобы участвовать в супершоу. Я тоже в свое время был среди вас, друзья, ненавистные конкуренты и товарищи по несчастью! К вам обращаюсь я, бесстрашным парням, вступившим на тропу избирательной кампании, с вами хочу поделиться я опытом, собранным на этой орошенной моим потом ниве. Воспринимайте мои заметки как хотите, пусть это будут мемуары политика или пособие из серии «Как стать президентом», не имеет значения. Главное в нижеследующих размышлениях — искреннее желание автора развеять распространенное заблуждение, что президентом самой демократической страны в мире Соединенных Штатов Америки может стать любой. Отнюдь. Для этого действительно необходимо обладать недюжинными способностями.

Итак, на старт, внимание, марш!

Прежде всего выбросьте из головы то, что обычно принято считать самым главным в избирательной кампании,— так называемую суть вашей предвыборной платформы и ваших обещаний. Нетрудно удостовериться, что речи и обещания различных кандидатов настолько мало отличаются друг от друга, что приходится различать политиков по каким-то другим критериям, тем более что ни один здравомыслящий человек все равно не поверит, что, приди к власти X, а не У, начнется невиданное процветание. Вот на эти-то другие критерии я бы и хотел обратить внимание, ибо то, что кажется в обычной жизни пустяком, в предвыборном марафоне может стать решающим фактором.

Например, предвыборная кампания проходит в разгар бейсбольного сезона. Ясно, что, выступая в роли активного приверженца этой игры и тем более демонстрируя на экранах телевизоров, с какой ловкостью он берет труднейшие подачи, кандидат успешно вербует в свои сторонники многочисленных болельщиков, которые теперь уверенно отдадут голоса за «своего». Еще лучше проявить себя страстным любителем американского футбола — спорта настоящих мужчин. Сердце какой избирательницы не забьется трепетней от вида кандидата-супермена, прорывающегося к воротам противника на обложке «Тайма». На что только не толкают фоторепортеры политиков в целях паблисити, какие только роли не приходится играть кандидатам на высшие посты в американском правительстве! Оттого, наверно, здесь и оказываются влиятельными политиками популярные киноактеры и эстрадные певички, и, наоборот, чтобы стать политиком, приходится быть хорошим актером. Но существенная разница все-таки есть. В кино в ответственную минуту на помощь актеру приходит каскадер, в политике же все трюки приходится исполнять самому. Увы, эту горькую истину мне пришлось познать на собственном опыте в Нью-Гэмпшире, где я во время избирательной кампании согласился принять участие в матче хоккейных ветеранов. Оказалось, что я несколько неправильно представлял себе то, что имелось в виду под ветеранами. Во всяком случае, эти ребята задали бы перцу любым профессионалам. Как бы то ни было, я провел на площадке три смены и каким-то чудом остался жив, да вдобавок еще получил свою фотографию в «Тайме», на которой я выглядел не хуже заправской хоккейной звезды. Мое дыхание успокоилось только около двух часов пополудни следующего дня. Однако фортуна, как известно, леди строптивая, и, несмотря на все мои старания, я бы не сказал, что мой звездный час на ледовой площадке как-то повлиял на неутешительные итоги выборов.

Что еще я хотел бы посоветовать молодым политикам, так это держаться подальше от лошадей. Поверьте, даже хорошо знакомой лошади нельзя доверять, особенно на праздничном параде 4 июля [1]. Понятно желание кандидата предстать перед избирателями ослепительным ковбоем на взмыленном жеребце, но учтите, что, во-первых, вид политика, гарцующего на лошади, может вызвать у демократически настроенной части избирателей ненужные ассоциации с крепкой рукой, затягивающей бразды правления, а во-вторых, никто не гарантирован от того, что вашему Росинанту не придет в голову какая-нибудь идея и он, не дай бог, выбросит вас из седла. В последнем случае предвыборная кампания действительно превращается в родео. Незнакомым лошадям доверять нельзя.

Далее. Домохозяйки — вот чье мнение порой оказывает решающее влияние на исход выборов. Выступив по телевизору в фартуке и поделившись каким-нибудь семейным рецептом, изобретенным вашей прабабушкой, вы раз и навсегда завоюете их сердца, а значит, и их голоса.

Быть всегда в хорошей физической форме — закон не только для спортсменов, но и для политиков. Но если спортсмен может позволить себе режим, правильный распорядок дня, спокойный сон, то для кандидата все это непозволительная роскошь. Бесконечные митинги, собрания, рауты, коктейли, выступления, дискуссии, пресс-конференции, постоянные переезды из одного штата в другой быстро подрывают силы и здоровье политиков, успокаивающими пилюлями приходится сбивать предвыборный стресс. Готовясь к избирательной кампании, политики должны проходить физическую подготовку, ничем не уступающую подготовке морской пехоты. Недаром один из кандидатов, заявив об отказе от дальнейшего участия в кампании, как причину назвал то, что не может больше спать в мотелях.

Хотя кто-то и сходит с дистанции, однако забег продолжается. Общеизвестно, что очень важно добиться популярности у профсоюзов. Известно также, что в предвыборные обещания рабочие не верят, на митинги избирателей их не заманишь, от перемены правительства они ничего не ждут. Тут уже приходится решаться на отчаянные поступки, если хочешь чего-то добиться. Лучшее средство — митинг, устроенный непосредственно у ворот фабрики. Лучше его устраивать утром, а не вечером после смены, когда людям уже явно не до политики. После короткой речи вы становитесь у проходной и жмете руку всем проходящим мимо. Теперь уже от вас ни один избиратель не улизнет. Конечно, приходится терпеть, что вашу распухшую ладонь тискают сотни мускулистых рук, но кто не рискует здоровьем, тот не выигрывает. В решающий момент вдруг кто-то из них вспомнит, что в своей проходной он жал этому парню руку, и поставит на вас. Помню, после одной такой акции у фабричных ворот мне даже пришлось обратиться к доктору с моей рукой.

Во время избирательной кампании узнаешь, что есть места, где политикам не всегда рады. Например, в косметическом салоне дамы в бигуди шарахаются от вас, когда вы хотите пожать им руки и сказать что-нибудь приятное, вроде «как хорошо вы сегодня выглядите, мэм». Или проведение избирательной кампании в аптеке. Почтенный джентльмен, покупающий себе мозольный пластырь или бандаж от грыжи, может не оценить вашей теплой заботы о ближнем и на вопрос «как сегодня ваши мозоли?» отвернуться и поспешить к выходу.

В предвыборной кампании, как в любом спорте, вы, увы, не застрахованы от поражений. Но если вы проиграли на промежуточных выборах, не отчаивайтесь. Это еще ни о чем не говорит. Стоит вам тут же, при объявлении малоприятных итогов проявить себя настоящим мужчиной и отпустить какую-нибудь шуточку типа «не унывай, ковбой», как вы не только не потеряете своих сторонников, но и приобретете новых. После поражения в Индиане вы с неотразимой улыбкой говорите: «Вперед, на Мичиган!» После пора-

---

Ю. Маккарти выставлял свою кандидатуру в президенты США на выборах 1968 года.

[1] *Национальный праздник США.*

Юджин МАККАРТИ,
американский сенатор

жения в Небраске: «За мной, на завоевание Орегона!» Если вы проиграли в восточных штатах, отправляйтесь в западные. На вопросы: «Почему вы потерпели поражение?» — смело отвечайте: «Потому что была плохая погода» — и победа на следующих выборах вам обеспечена.

Но вот и финиш.

Если вы выиграли, значит, вы настоящий парень, ничего не скажешь. А если проиграли — вас ждет грустная картина опустевшей штаб-квартиры, везде валяются разорванные плакаты, по полу разбросаны брошюры и буклеты, раздавленные соломенные шляпы, пластмассовые стаканчики. Отовсюду — ваша ослепительная улыбка, которая ничуть не хуже, чем у того счастливчика, который вас обошел на последнем повороте, но так получилось, что вам не повезло. Утешайтесь тем, что вы сейчас чем-то напоминаете Наполеона после Ватерлоо. И не унывайте — просто в этот день была плохая погода.

Перевел с английского М. ШИШКИН

На старт, внимание, марш!

Ах, ну до чего же он милый парень, этот неудачник, не утративший чувства юмора, несмотря на поражение в изматывающей гонке за президентское кресло! И до чего все другие претенденты — милые парни, а особенно тот единственный, самый-самый милый, который добился-таки своего, взобрался на Олимп власти и вот в финале супершоу солирует перед «гигантским цирком величиной с Соединенные Штаты Америки»...

Не правда ли, такое впечатление оставляет этюд на тему «Как стать президентом», с которым вы только что познакомились, уважаемый читатель? Однако не доверяйтесь этому впечатлению, потому что если доверитесь ему, то окажетесь в числе тех простофиль, для околпачивания которых и пишутся все подобные — в меру остроумные, в меру простодушные, в меру кокетливые и в полную меру целенаправленные — опусы о демократизме американской демократии.

Публикуя один из них в качестве образцово сработанного образца демагогии, мы хотели бы наглядно продемонстрировать изощренность пропагандистских приемов, к которым прибегает капитализм, чтобы утвердить в сознании обывателя ощущение, что, несмотря на некоторые заслуживающие иронической усмешки (не более!) казусы, в предвыборном состязании все обстоит вполне благопристойно.

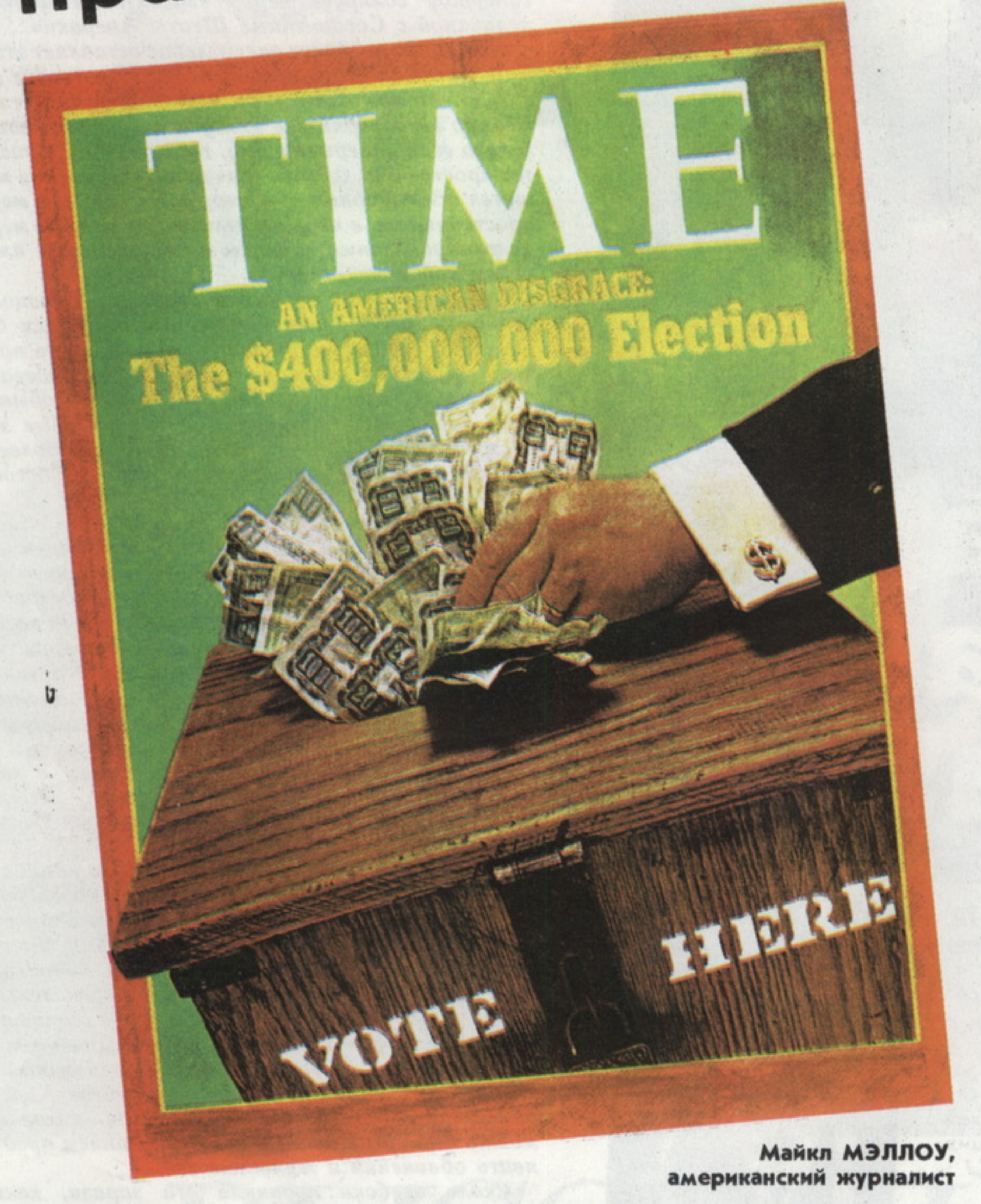
Действительно, велика ли важность, что с приходом в Белый дом того или иного кандидата нечего и надеяться на выполнение обещанного им невиданного процветания, сокращения безработицы и т. д.? С умышленной небрежностью автор упоминает об этих «пустяках», словно говоря: да стоят ли они внимания, когда выборы обеспечивают главное — победителем всегда оказывается достойный. Почему? Да потому, что достойны все соискатели. Будьте, мол, уверены и спокойны: во главе Америки всегда будет свой парень — американский до мозга костей, энергичный, умелый, находчивый и в высшей степени порядочный американец!

Мысль эта так усердно и так успешно вдалбливалась в общественное сознание, что, когда разразился Уотергейтский скандал, кое-кто и впрямь поверил, будто предвыборные махинации Никсона — нечто небывалое в деятельности американских президентов. И только потом, внимательно вглядевшись в историю, американцы в смущении обнаружили, что Никсон был далеко не первым и, как показывает недавний скандал, связанный с похищением людьми Рейгана документов Картера, увы, не последним президентом, которому можно было бы с достаточным основанием предъявить обвинения в жульничестве.

Сколь глубоко проникла эта зараза, какие темные делишки обделываются за кулисами невинного супершоу президенстких выборов, читатель может судить, познакомившись с опубликованной на следующих страницах статьей, в которой рассказывается о том, при чьей поддержке и на чьи деньги прокладывал дорогу в Белый дом сороковой президент США.

Говорят, предвыборная кампания обошлась первому президенту Америки в 8 (восемь!) долларов. На президентскую гонку Рейгана — Картера в 1980 году было потрачено 250 миллионов! Откуда взялись эти воистину «бешеные деньги», чем и как расплачивается тот единственный, самый-самый милый парень, который добился-таки своего, взобравшись на Олимп власти? Статья Майкла Мэллоу в какой-то мере отвечает на эти вопросы.

Они друг другу нравятся

Майкл МЭЛЛОУ,
американский журналист

Время действия: 27 января 1981 года. Место действия: сенат США, комиссия по труду и людским ресурсам. Действующие лица: сенатор Томас Иглтон и вновь назначенный министр труда Рэймонд Донован.

Сенатор Иглтон. Как могло случиться, что под прицел прессы и ФБР попали именно вы и ваша строительная компания «Скиавоне констракшн»?

Министр Донован. Понятия не имею... Я не знаю никого из тех, кто упоминается в докладе ФБР... Их мотивы мне неизвестны...

К слушаниям в комиссии сената в связи с утверждением Р. Донована министром труда мы еще вернемся, а сейчас уместно было бы задать вопрос: каким образом человек, имя которого уже давно было скомпрометировано подозрениями в связях с мафией, мог получить пост министра труда?

Начнем по порядку.

I

Рэймонд Донован родился в семье, где было двенадцать детей, он — один из средних. Отец работал служащим в компании «Эссо». Донован очень гордится тем, что прошел классическую школу Великой депрессии: «Я — выходец из рабочей семьи. Я бизнесмен, рабочий и американец!»

Мальчишкой Рэй Донован чистил ботинки. Чуть повзрослев, стал работать на фабрике по изготовлению шампуня. Потом высокий крепыш грузил бочки с пивом. Образование его было католическим. Он закончил приходскую школу, затем поступил в иезуитскую школу Сент-Питер. Отцы-иезуиты пришли в восторг, узнав о его желании сделать религиозную карьеру. Донован поступил в семинарию, окончил ее, получив степень бакалавра.

Но священником Донован так и не стал. Зато некоторое время спустя бахвалился всем и каждому: «Я классический американский миллионер — начинал с чистильщика ботинок!»

Восхождение чистильщика ботинок к миллионам началось после встречи Донована с Ронни Скиавоне. Обладатель инженерного диплома, множества честолюбивых замыслов, а главное — 20 тысяч долларов, Скиавоне неплохо разбирался в гражданском строительстве, но был профаном в ведении дел. Донован уговорил его создать строительную компанию, предложив свой вклад: 5600 долларов плюс кипучую энергию.

О компании «Скиавоне констракшн» в Нью-Джерси ходила нелестная молва: «С этой «Скиавоне» лучше не шутить и вообще держаться от нее подальше». В министерство труда не раз приходили жалобы на компанию от представителей национальных меньшинств: их здесь оскорбляли, подвергали дискриминации. Существенно нарушались правила техники безопасности и охраны здоровья.

Зато владельцы компании — Донован и Скиавоне — богатели не по дням, а по часам. Ее успеху способствовала не только прижимистость хозяев, но и тесные связи с отделом дорожного строительства Нью-Джерси, которые открывали доступ к закрытой информации.

Фигурировала «Скиавоне» и в списке подрядчиков, чья деятельность привлекла внимание в связи с крупным делом о взятках в муниципалитете, в результате чего мэр Ньюарка оказался за решеткой. «Скиавоне» оказалась замешанной и в деле фирмы «Кантор сэплай», созданной специально для того, чтобы, не вызывая подозрений, проворачивать аферы ньюаркской мафии.

В конце семидесятых годов «Скиавоне» снова попала в переделку. На этот раз одного из директоров компании суд обвинил в том, что во время строительства тоннеля в Нью-Йорке он вклю-

чил в список на оплату «мертвую душу», чтобы отдавать деньги гангстеру и вымогателю, связанному с профсоюзом водителей грузовиков.

Донован защищал свою компанию не очень убедительно. Однако, поскольку припереть его к стенке неопровержимыми уликами не удавалось, выходил сухим из воды.

II

С Рональдом Рейганом Донован познакомился в 1976 году. Позже он говорил: «Я искренне поверил в этого человека и его философию». Так или иначе, познакомившись, Рейган и Донован почувствовали родство душ и стали ездить друг к другу в гости. Рейган всегда чувствовал себя очень уютно в обществе Донована: ну что за симпатяга этот человек! Пятьдесят два года, а энергия бьет ключом, к тому же благодаря все еще черным волосам и по-юношески стройной фигуре он выглядит много моложе. Да, Рэй Донован — человек основательный. И Америку — их Америку — они видят одинаково: страной солидной, основательной, как в прежние времена.

В 1979 году Рейган решился на последний штурм Белого дома. Началось обычное сколачивание предвыборного фонда. В числе предпринимателей, решивших вложить деньги в калифорнийца, был, разумеется, и Донован. Его вклад в будущего президента Соединенных Штатов составил ни много ни мало 170 тысяч долларов. Это был, так сказать, личный взнос. Всего же Донован собрал на кампанию Рейгана 600 тысяч долларов. Что и говорить, такая сумма в случае победы Рейгана должна была гарантировать Доновану теплое местечко.

И еще маленькая деталь: когда Рональд Рейган и Джордж Буш прибыли в 1980 году в Нью-Джерси для проведения предвыборной кампании, «Скиавоне» предоставила в их распоряжение вертолет. Два месяца вертолет носил кандидатов над прокопченным трубами Нью-Джерси, городками штата Нью-Йорк и деревушками Пенсильвании. Расходы на эксплуатацию вертолета составили 17 тысяч долларов: их, конечно же, оплатила «Скиавоне».

На следующий после выборов день Рэй Донован с волнением ждал какой-то чудесной перемены в своей жизни — может, его пошлют куда-нибудь послом, предложат работу в Вашингтоне?

Но Рональд Рейган превзошел его самые смелые ожидания и решил сделать Донована министром труда, хотя было достаточно других, более известных и достойных кандидатов на эту должность. Свой выбор президент (уже президент!) мотивировал тем, что на посту министра труда Донован проявит свои деловые качества, использует опыт общения с рабочим людом, знание их проблем. И хотя кое-кто высказывал сомнения в целесообразности подобного выбора, Рейган настоял на своем: «Он мне нравится!»

...Сенатор Дональд Регль. Позвольте спросить, удивились ли вы, получив предложение занять этот пост? Предвидели ли вы такую возможность?

Донован. Для меня это было громом среди ясного неба.

Регль. Как вы объясняете это назначение? Оно удивило многих.

Донован. Рональд Рейган всегда был обо мне хорошего мнения! А если говорить серьезно, мистер Рейган хорошо меня знает. Он считает, что я подхожу для этой работы, потому что мой прошлый опыт не совсем обычен... если не уникален. Он знает, что я ему предан, что буду с ним заодно, что не изменю данной мною клятве при вступлении в должность. Думаю, он исходил из всего этого, когда позвонил мне и предложил стать министром.

III

Вернемся еще раз к тому самому дню 27 января 1981 года, когда в сенате рассматривался вопрос о назначении Рэя Донована.

Сенатор Оррин Хэтч. Есть ли какие-нибудь улики, подтверждающие обвинения, что мистер Донован, возглавляя компанию «Скиавоне констракшн», имел личные или деловые контакты с главарями организованной преступности?

В ходе слушания, к облегчению сенатора Хэтча, получившего, к слову, из рук Рейгана пост председателя комиссии по труду и людским ресурсам, улик «не оказалось». Однако в комиссию продолжали поступать сведения, порочащие «доброе имя» Донована. Так, некий уголовник Ральфи Пикардо, сидевший за убийство, сказал агентам ФБР, что вновь назначенный министр труда давал ему деньги. Позже к Пикардо присоединился профсоюзный лидер Марио Мантуоро, который показал, что Донован присутствовал при даче взятки. Все это тревожило достопочтенного сенатора, и он в срочном порядке встретился с главным советником президента Эдвином Мизом и близким другом президента сенатором Полем Лэксолтом. Хэтч считал, что Доновану лучше уйти — достаточно одних обвинений Пикардо. Извините, ответили ему, Донована хочет сам Рейган. Донована, и только его.

В сенат Хэтч вернулся мрачным. Он всегда был хорошим солдатом и теперь должен был сделать так, чтобы после слушания в сенате Донован вышел сухим из воды. Представители Белого дома не сказали Хэтчу в тот день, что ФБР сообщило близким сотрудникам Рейгана о тяжести положения Донована еще 11 января: имеются записи телефонных разговоров, которые связывают имя Донована с типами из преступного мира, в частности с крупным мафиози Уильямом Масселли. ФБР давно следило за Масселли, торговцем кокаином, и вот в его телефонных разговорах и всплыло имя Донована.

Как ни старались люди Рейгана замять дело министра, подозрительные сигналы продолжали поступать. За первый год пребывания Донована в Белом доме их было несколько.

Крыша начала проседать, и она продолжала бы падать, но к концу декабря 1981 года конгресс и сам министр труда, «оскорбленный в лучших чувствах», потребовали, чтобы в этом деле раз и навсегда разобрался специальный прокурор. И вот 29 декабря 1981 года на сцене появился Леон Силвермен.

За полгода Силвермен с помощью двенадцати помощников опросил по делу Донована более 200 человек. Ему помогали почти все отделения ФБР в стране. Было прослушано более 900 магнитофонных записей. Проведя всю эту работу, Силвермен заявил, что его адвокатская фирма предъявит к оплате счет примерно на 500 тысяч долларов. Однако же, несмотря на такие грандиозные затраты, многие серьезные вопросы так и остались без ответа.

Знаменательно, что Силвермен ничуть не реабилитировал Донована, когда на пресс-конференции, предавая гласности собранный материал, сказал, что ни в коем случае не освобождает министра труда от обвинений. «Я не хочу применять термин «освобожден от обвинения»,— коротко и веско сказал Силвермен журналистам.— Я говорю, что собранных улик недостаточно для того, чтобы привлечь министра Донована к суду».

Да, вотумом доверия это не назовешь. Но Рональду Рейгану это не помешало заявить, что он «будет держаться» Донована, и резко огрызнуться на вопрос журналиста о выводах расследования: «Тут не о чем говорить — дело закрыто».

Не менее агрессивно держится и сам Донован. Он повторяет одно: отчет специального прокурора говорит сам за себя. И тут он выиграл, сомнений нет. И никуда уходить не собирается. «Если вы толкнете меня,— сказал как-то Донован сенатской комиссии по труду,— я вас ударю. Ударите вы меня — пну кое-куда ногой».

В ответ на это члены комиссии нервно засмеялись.

Сокращенный перевод с английского М. ЗАГОТА

Ваши планы, лейтенант?

Брайан ДЖОНС,
председатель Совета американо-советской дружбы в штате Орегон, США

Я закончил расчеты курса и нанес данные на карту: под нами была Япония. Затем я взглянул на щиток приборов и тотчас закричал в переговорник:

— Что случилось? Почему упала скорость?

Пилоты прыснули от смеха. Кэррол Грейфа, второй пилот, прокричал в ответ:

— Где ты был, приятель? Не почувствовал, как нас тряхнуло?

— Я думал, это воздушная яма.

Мой ответ развеселил их еще больше.

— Иди-ка сюда, яма!

Поднявшись от своего столика, я протиснулся в кабину пилотов.

— Видишь, третий,— сказал Грейфа, показывая на один из моторов. Часть его отвалилась, винт остановился, рваной лентой за нами тянулся густой черный дым.

— Дай мне курс на Форт-Нокс,— сказал Грейфа.— Пойдем в Паттерсон менять мотор,— он усмехнулся.— Все проморгал, дружище, нос в книги и карты — такая уж твоя доля.

В-29 мог без труда лететь на оставшихся трех моторах. И поскольку других поломок не было, мы могли вволю смеяться над опасностью. Вот месяц назад, когда над Карибским морем мы лишились сразу двух моторов, причем с одного крыла, тогда нам было не до смеха. Мы сбросили бомбы в море, и я проложил кратчайший курс до кубинского побережья.

Через пожары и аварии мы постигали, что такое «мастера циклонов» на наших так называемых очень тяжелых бомбардировщиках. Пилоты выработали свои правила: ни в коем случае не пользоваться огнетушителями с CO_2, иначе взрыв. Единственная мера — перекрыть подачу топлива. Если же пожар не прекратился — выпрыгивай, коли сможешь. Бортинженеры следили за датчиками температуры, как домохозяйки за пирожками в духовке.

Два месяца назад в берлинском бункере Гитлер покончил самоубийством, но война с Японией продолжалась. В то лето сорок пятого всем офицерам, летавшим на В-29, надлежало уведомить командование, кто хочет остаться на службе и «продолжать воевать еще шесть месяцев». Большинство офицеров 383-го полка бомбардировщиков, базировавшегося в штате Канзас, ответило однозначно: «Остаемся воевать, для этого мы и вступили в вооруженные силы». Листок бумаги, всего лишь бюрократическая формальность, думали мы. Да к тому же и Тодзио [1] еще не постигла участь Гитлера и Муссолини.

В августе США сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки. Советские Вооруженные Силы разбили Квантунскую армию в Маньчжурии. Япония капитулировала. Пришло время возвращаться домой. Но, дав обещание «воевать еще», мы проводили тренировочные полеты, выверяли приборы, приводили в порядок снаряжение. Мы праздновали мир, смазывая колеса войны. И у нас стали появляться подозрения.

В Вашингтоне, хотя тогда мы об этом еще не знали, колеса войны и не переставали вращаться. «Будущая война с Советской Россией настолько определенна, насколько вообще что-либо определенно в этом мире»,— написал в тот год в своем меморандуме заместитель государственного секретаря. Особый план атомной войны против Советского Союза действительно существовал, и определенная роль в этом плане отводилась нам, летчикам В-29.

В сентябре нас перевели в 449-ю часть, базировавшуюся в Гранд-Айленде, штат Небраска. Здесь нас должны были реорганизовать, после чего, как сказали наши командиры, перебросить на военно-воздушные базы на Аляске, которые в тот момент переоборудовались специально под В-29. Эти базы не были нам нужны во время войны, зачем они понадобились теперь? Старшие офицеры не дали нам никаких объяснений. Хотя у меня на этот счет уже были определенные подозрения. И вот совсем недавно они подтвердились. В мои руки попал ранее сверхсекретный правительственный документ JIC-329, датированный третьим ноября 1945 года, «Стратегическая уязвимость СССР к ограниченному воздушному удару». В нем предлагались «двадцать самых важных целей, удобных для стратегических атомных бомбардировок в СССР и на территориях, им контролируемых».

---

[1] *Японский генерал, один из главных японских военных преступников второй мировой войны. Казнен по приговору Международного военного трибунала в Токио.*

Будь этот план приведен в исполнение, двадцатидвухлетний штурман и его друзья стали бы соучастниками кошмара, навязанного народу, только что пережившему войну.

Весной 1943 года Объединенный комитет начальников штабов создал два подкомитета военачальников: объединенный комитет военного планирования (JWPC), занимавшийся разработкой широких стратегических планов, и объединенный комитет разведки (JIC), изучавший возможности конкретного их осуществления.

JIC-329 явился ответом объединенного комитета разведки на «неотложный запрос» объединенного комитета военного планирования: это был уже второй, доработанный сценарий ядерной войны против Советского Союза. Первый же, составленный в октябре 1945 года, гласил: «Насколько нам известно, средств обороны от атомного взрыва не существует. Единственное действенное средство против атомной бомбы — помешать ее применению путем эффективных действий по уничтожению ее источника или ее носителя в полете. Эффективные действия против источника, естественно, обязывали бы нас ударить первыми».

Вторя теме «первого удара», авторы JIC-329 писали: «Имеющееся преимущество западных держав обеспечено огромными производственными ресурсами США и темпами развития, отвечавшими запросам войны. Преимущество это сохранить, вероятно, не удастся. Советский Союз освободился от страшного бремени войны, его народом, учеными, специалистами руководит группа реалистически мыслящих лидеров. Глупо верить, что значительная часть советских национальных усилий не будет направлена на научные исследования и техническое развитие и что их постигнет неудача. Чтобы ограничить или замедлить этот прогресс, первоочередное внимание должно быть уделено использованию стратегических военно-воздушных сил в любом необходимом количестве».

В последнем разделе JIC-329 перечислялись двадцать «самых выгодных объектов для атомной бомбардировки»: «Многоотраслевые индустриальные центры с наибольшим сосредоточением научно-исследовательских и промышленных объектов, специализированных предприятий, высших правительственных учреждений».

Авторы снабдили документ картами и трехстраничным перечнем статистических данных о населении и промышленности. Под ядерным прицелом оказались такие города, как Москва (четыре миллиона человек), Ленинград (один миллион двести пятьдесят тысяч), Ташкент (восемьсот пятьдесят тысяч), Баку (восемьсот девять тысяч), Горький (шестьсот сорок четыре тысячи), Тбилиси (пятьсот девятнадцать тысяч), Ярославль (двести девяносто восемь тысяч), Иркутск (двести сорок три тысячи) и другие — запланированный ад для тринадцати миллионов человек.

Месяц спустя доклад был секретно распространен среди высших военачальников (всего было сделано тридцать пять дубликатов). В доработанном сценарии ядерной войны против Советского Союза указывалось, что «против СССР понадобится от двадцати до тридцати атомных бомб».

В те дни еще не было межконтинентальных ракет и роль носителей ядерных зарядов отводилась тяжелым бомбардировщикам, способным совершать сверхдальние полеты, то есть B-29.

Как я сказал, после шести месяцев специальной подготовки в Канзасе и на Кубе наша часть перебазировалась в Гранд-Айленд, где мы поступили в подчинение нового командира — бригадного генерала, ветерана боевых действий в Европе, руководителя знаменитого воздушного рейда на Плоешти. Он лишил Гитлера немалого количества бензина и нефти, и в иное время мы раздулись бы от гордости, что у нас такой командир. Но сейчас мы думали только о доме.

Генерал любил присоединиться к своим подчиненным в офицерской столовой. Однажды вечером, это было в ноябре, мне и моим друзьям выпала честь оказаться с ним за одним столом. Воздушные силы были всей его жизнью, и, естественно, наш разговор вскоре перешел на служебные темы.

— У вас, парни, по-настоящему прекрасное будущее,— сказал он.— Военную авиацию ждет великий прогресс. Вы здесь в удачное время.— Мы вежливо смотрели на него, и так как беседу никто не поддержал, он добавил: — Вы нужны Америке.

— Зачем, сэр? — спросил кто-то тихо.

С лица генерала исчезла самодовольная улыбка, оно болезненно скривилось, он не ответил.

В августе никому бы и в голову не пришло «зачем», но в конце сорок пятого среди американских сухопутных сил в Европе, и на Филиппинах, и даже в самих США прошли демонстрации протеста против приостановки демобилизации. Пресса становилась все более и более критичной. Для старших офицеров наступили неприятные времена, от них ждали ответа на вопросы.

Помолчав, генерал обратился ко мне:

— Ваши планы, лейтенант?

— Вернусь в университет, сэр.

— А ваши? — спросил он следующего.

— Вернусь к прежней работе, сэр.

Третий офицер смутился и уставился перед собой, генерал не стал спрашивать.

— Вам закрутили мозги эти газетчики, вы не о том думаете,— сказал он.

Ужин мы закончили в гробовом молчании.

Спустя некоторое время Вашингтон все же уступил. Все больше демобилизованных возвращалось домой. А в январе каждому, кто хотел, было разрешено уволиться с военной службы.

1945 год. Встреча советской и американской союзнических армий на Эльбе.

Войну, разработанную в JIC-329, по-видимому, решили отложить до лучших времен.

Вскоре после того, как Япония капитулировала, один из бомбардировщиков B-29 совершил беспосадочный перелет от Марианских островов до Каира, таким образом преодолев пятнадцать тысяч километров, примерное расстояние от Фэрбенкса до Москвы. Хотя обычная боевая дальность самолета составляла всего три тысячи километров, но, сняв броню, стрелковое оружие, не загружая бомбовые отсеки, дальность полета можно было увеличить — тяжелый бомбардировщик B-29 превращался в носителя атомных зарядов.

Я хочу напомнить всем, что возможность ядерного удара по Советскому Союзу серьезно рассматривалась лидерами нашей страны уже в конце второй мировой войны. Более того, о ней не забывали и все последующее десятилетие (в 1954 году специальная группа при Объединенном комитете начальников штабов рекомендовала разработку планов «намеренно неожиданной войны с СССР в ближайшем будущем»), думают о ней и сегодня.

Сегодня, однако, вместо двадцати-тридцати бомб ядерный арсенал «сверхдержав» составляет порядка шестнадцати тысяч шестисот стратегических боеголовок. Сегодня ядерное нападение было бы самоубийством и преступлением против человечества.

Я не хочу в этом участвовать, как не захотел бы участвовать в подобных планах, разрабатывавшихся в сороковые годы, знай я тогда об их существовании.

Перевел с английского В. СИМОНОВ

Это название я прочел в письме. Собственно, оно не было письмом в привычном смысле слова. В пухлом конверте, пришедшем на мое имя, лежали вырезки из итальянских газет и сопроводительный текст, написанный бисерным почерком. Я привык получать письма от разных людей, которые откликаются на мои публикации в прессе. Как раз в это время я написал несколько статей, посвященных судьбам тех, кто покинул Родину. Я изучал судьбы этих людей, встречался с их родственниками, мне давали читать письма уехавших... Я сам, как и те, кто потом откликался на мои статьи, каждый раз старался понять, что заставило человека, целые семьи расстаться с Родиной, с миром, в котором они выросли, где их корни, где их близкие. Опомнившись, они клянут судьбу, просят прощения, но жизнь этих людей сломана. Вот о чем я писал, сознавая, что эта работа — мой долг.

Письмо, полученное мной, было похоже на застывший крик. Писал человек, начавший отвыкать от русского языка. Он забыл, что в прошлом он не мог употреблять «ять», зато теперь ставил твердый знак где попало. Буквально в каждой строке повторялось слово ОСТИЯ. ОСТИЯ как обозначение чего-то страшного, как знак кошмара. ОСТИЯ заглавными буквами, словно это было сокращенное наименование организации. Между тем Остия небольшой городок под Римом. Подписи под письмом не было. Не было и обратного адреса. Рассмотрев почтовый штамп, я уверился, что оно писалось т а м. В вырезках из газет содержались материалы, бывшие когда-то сенсацией дня: рассказывалось об убийствах в Остии. «Это не первый русский (так итальянская пресса называет выехавших из СССР евреев.— **Примеч. авт.**), убитый в Остии». Портреты очень крупно. «Мафия в Остии». Много подробностей: как именно совершалось каждое убийство. Вывод, который делал итальянский журналист: происшедшие страшные события в Остии — это акт отчаяния, поступок «взбунтовавшегося» человека, которому уже не пришлось выбирать. Жалкие, нищие, опустившиеся... Остия — «колония под Римом». Остия — «еврейское гетто».

Мне стало ясно, что я не могу не попытаться разобраться в том, что в письме на папиросной бумаге стало символом кошмара — событиях в городке на берегу Тирренского моря. Эти события касались евреев, некогда выехавших из Советского Союза в Израиль, а теперь ставших б е ж е н ц а м и и з И з р а и л я, несчастными, опомнившимися людьми, чье раскаянное бегство назад прервалось здесь, в Италии. И с ним, возможно, прервалась сама жизнь.

Разве то, о чем я расскажу, можно назвать жизнью людей?

Из заявления. *«Я бывший гражданин Советского Союза. Проживал в г. Новокузнецке. Я имел несчастье оставить свою Родину, свою жену 60 лет, четверых детей, 11 внуков, брата 80 лет, сестер. Что меня заставило это сделать, я до сегодняшнего дня не могу понять. Я родился и прожил почти всю свою жизнь на Родине, я всю жизнь работал. Я не враг народа, я выехал тихо и мирно по гуманным законам моей бывшей Родины по визе 663 420 от 19 июня 1979 года, выданной мне Кемеровским облисполкомом...»*

Из заявления. *«Мой муж выехал в Израиль очень даже опрометчиво, случайно попал под влияние некоторых субъектов, агитация была, видно, немало действующая, которая соблазнила нашего старого отца, мужа, дедушку уехать в этот проклятый уголок земли...»*

Из письма на бывшую Родину. *«Здравствуйте, мои дорогие!.. В субботу разговор не состоялся, вследствие чего ушел с телефонной станции как побитая собака. Собственно, в таком состоянии я нахожусь уже на протяжении семи с половиной лет. Последний год безработицы сильно подорвал мое здоровье, в особенности нервную систему, давление здорово упало, вследствие чего полная забывчивость и невозможность сконцентрироваться. Что и говорить — эта ошибка сделала меня инвалидом, не так в физическом смысле, сколько в моральном. Чем я перед богом провинился, не знаю...»*

Первое время отток из Израиля еврейских семейств, прибывших из СССР, мало беспокоил сионистов. Считалось, что уезжают «отступники», предавшие «родину предков». Но когда стремящихся покинуть Израиль стало слишком много, под угрозой оказался миф о собирании евреев на «земле обетованной», в опасности — пропагандистская машина сионистов. Тогда-то на пути беглецов из Израиля возникла ОСТИЯ. Я пишу это слово заглавными буквами, потому что имею в виду не городок в получасе езды электричкой от Рима... возникла ОСТИЯ — барьер, преодолеть который удалось немногим.

Беженцы из Израиля появляются в Италии почти с каждым рейсом теплохода, прибывающего из Хайфы. Теперь Остия воспринимается ими как временная и неизбежная остановка.

ИЯ

Борис ШЕЙНИН,
член Антисионистского комитета
советской общественности

Здесь, кажется им, они поживут совсем недолго, чтобы осмотреться и решить, как действовать дальше. Но это «недолго» растягивается, превращаясь в бесконечность. В Остии образовалась целая колония беженцев из Израиля.

В этой колонии безнадежно осевших в Остии мое внимание в числе других привлекла так называемая «греческая группа». Их тридцать пять человек. Выходцы из Бобруйска, Баку, Самарканда, других советских городов, они ранее не знали друг друга. Познакомились в Израиле, объединились в желании бежать из «сионистского рая». Бежать всеми правдами и неправдами, бросив привезенное сюда из СССР в расчете на долгую жизнь добро. Оформлялись для выезда как туристы в Грецию. Другого пути не было — «рай» выпускать не хотел.

Впрочем, наивная уловка «греческой группы» была легко раскрыта. Это стало ясно, едва чиновник, оформлявший выездные документы, выдал каждому... лишь временное удостоверение личности.

— Ваши паспорта будут готовы по возвращении из туристской поездки,— невозмутимо заявил он.

На врученных им временных удостоверениях стояли какие-то незнакомые имена и фамилии. Отец двоих детей Газенпуд получил имя Бен Леви. Престарелый тесть Газенпуда Булкин стал Бен Ционом. Это были «настоящие» еврейские имена. Чиновник открыл им новость: так их имена звучат на иврите. Газенпуд с трудом добился, чтобы его действительное имя было поставлено хотя бы в скобках, но, как оказалось потом, эта нелегкая победа над чиновником уже не имела смысла. В Афинах выяснилось, что удостоверения, выданные беглецам, не являются официальным документом — они не могли удостоверять личность Бен Леви — Газенпуда ни постоянно, ни временно. А значит, из Афин путь был открыт лишь один — назад, в Израиль, откуда только что бежали... Тогда началось бесконечное хождение по посольствам, распродажа оставшихся вещей. Вскоре кончились все деньги и...

Израильские газеты написали о группе преступников, удравших из страны и скрывающихся в Афинах. А «преступники» тем временем слонялись в порту в надежде на случайный заработок, чтобы не умереть с голоду. Прошли месяцы, прежде чем на отчаянное положение беглецов обратили внимание греческие газеты. Газеты написали, что группа бывших израильтян не преступники, что они голодают, а дети просто гибнут.

Реакция последовала немедленно: как спасение перед несчастными появилась некая фрау Коничек, представительница организации РАВ-ТОВ. Эта организация, о задачах которой группа не имела никакого понятия, так сказать, многоцелевого назначения. Она добивается статута «политических беженцев» для разного рода авантюристов, специализируется на «защите» советских евреев от «утраты еврейского самосознания», собирает для них по всему свету пожертвования... Фрау Коничек нашла «греческую группу» «совершенно деморализованной и, следовательно, готовой уже ехать куда угодно, лишь бы прекратить существование, которое вели эти люди в Афинах». Безнадежно отчаявшиеся люди узнают от «спасительницы», что спасение — путь в США — совершенно обеспечено венским отделением РАВ-ТОВ, секретарем и переводчицей которого она является. Это вопрос всего нескольких недель. Эти несколько недель пролетят как один час, очевидно, думали Газенпуд, Булкин и их товарищи по несчастью, а между тем сын одного из них, Чернина, еще здоров. В Италии он сойдет с ума.

Из письма на бывшую Родину. *«Что же касается Зёмы и остальных, ж е л а ю щ и х, то каждому свое... Чужбина есть чужбина. Совсем другие люди, если их можно этим словом назвать. Жестокое и безразличное общество, где каждый живет и умирает в одиночку».*

...Размышляя над бедами беженцев из Израиля, я вспоминаю, как мы, тоже беженцы, жили в Коканде во время войны.

Мы жили в саманном домике с плоской крышей, в крохотной комнатушке. Стены были покрыты зеленой масляной краской. Цвет этих стен я запомнил на всю жизнь. В этих стенах нас жило семь человек. Зимой, когда все собирались в тесной комнате, влага на стенах скатывалась вниз маленькими блестящими каплями. Я сидел и смотрел на капли. Их путь я тоже запомнил на всю жизнь. Мы были беженцами. Мы бежали от войны. Война заставила нас сидеть в этой комнате, пережидая не зиму, а войну. Труба репродуктора висела на углу. Там было какое-то кирпичное здание, учреждение. Я стоял перед репродуктором и слушал, как сквозь немыслимое расстояние пробивается военная сводка. Отец воевал, а я стоял перед репродуктором, который нельзя вырвать из моей памяти никакими силами.

Спустя годы я вспоминаю это время, мое детство и понимаю, как много в нем было чужого безымянного добра. Беженцы, мы жили среди родных людей. Я помню, что в первый же день нашего пребывания кто-то принес в наш домик, до той минуты почти вовсе пустой, старую железную кровать. Кто-то другой, неизвестный, принес одеяло, подушки. Однажды в дом пришла Герта Густавовна, учительница немецкого, ненавистного тогда языка, трогательная Герта Густавовна, терпеливо надеющаяся, что немецкий язык когда-нибудь станет для ее учеников прекрасным языком Гёте, Шиллера... Я помню депутата товарища Иванова, который о чем-то важном разговаривал с мамой. Он заполнил собой всю комнату. А главное, я хорошо помню ощущение неодиночества! Мы выдержим, и мы победим: я, отец, железнодорожный депутат Иванов.

Так мы жили. А потом мы, советский народ, победили...

Из письма на бывшую Родину. *«...Дорогой Женечка, все эти годы у нас в слезах и переживаниях... Мы не можем жить в капиталистическом мире, нам все здесь чуждо. Здесь колоссальная преступность, воспитание общества отсутствует, люди с детства воспитываются во вражде друг к другу, никто тебе ни в чем не поможет, не посочувствует, не посоветует. Жить в капиталистическом обществе ужасно, и мы испытываем это все на себе».*

«Греческая группа» попала из Афин в Остию стараниями фрау Коничек, то есть при помощи РАВ-ТОВ. Какая выгода была в этом для РАВ-ТОВ? Страдания, которые в Остии могут продолжаться бесконечно, есть очень хороший повод для сбора по всему свету и даже в Латинской Америке пожертвований «в пользу советских евреев». Ну кто может знать в Латинской Америке истинную причину страданий «греческой группы»? И что может знать о пожертвованиях «греческая группа»? Она и не знает. Она и не ведает, какими мотивами руководствовался и какие цели преследовал раввин Видер, директор РАВ-ТОВ, выкладывая «своему человеку» в министерстве внутренних дел в Риме две тысячи долларов за разрешение перебросить группу в Италию по липовым удостоверениям. Не правда ли, странно: получается, что сионистская организация вдруг начинает печься о тех самых беглецах, которые согласны умереть, только бы не возвращаться в Израиль! Вот о чем необходимо хорошенько поразмышлять. И вывод, вероятно, может быть один — в Афинах группа на виду, слух о ее мытарствах того и гляди дойдет до пожертвователей, и те могут заинтересоваться судьбой своих пожертвований. А здесь, в Остии, к мытарствам беженцев настолько привыкли, что нужно было произойти тому, что произошло,— зверскому убийству,— чтобы об этом месте страданий и скорби заговорила падкая на сенсации печать.

Через два месяца после прибытия в Остию петицию «Всем, кому не лень читать», написанную единственным человеком в группе, который знал иностранные языки, Мишей Каганом, подписывают все главы семейств «греческой группы». Какие ответы получила «греческая группа» на свой крик о помощи, будет рассказано чуть позже. Сначала — чем был вызван этот крик ужаса?

И тут мы подходим собственно к Остии, маленькому городку, проклятому месту, где разыгралась в конце концов драма, привлекшая внимание газет. Ненадолго привлекшая, разумеется. Другая драма, медленная, тихая, не менее ужасная — не тема для буржуазной печати. Ей куда интереснее, как было совершено убийство...

ОСТИЯ убивает переселенцев старым и верным способом: отнимая надежду, человеческое достоинство, заставляя терять и человеческий облик. И снова в моем мозгу возникают параллели: мы тоже были беженцами, но нас в войну лишил нашего дома враг. А люди, оказавшиеся в Остии, отказались от дома сами. Я вспоминаю город Коканд. Ох как было трудно и голодно подчас. Помню, я пошел к поезду и продал карманные шахматы, хорошую довоенную вещь. Когда я вернулся с буханкой хлеба, мама посмотрела на меня, но не сказала ни слова. Может быть, буханка стоила дороже шахмат, а может быть, для нее они имели особую, нематериальную цену, и она подумала: когда все это кончится? Я помню, что люди в то время старались беречь друг друга... сколько это было возможно.

Когда в Остии разразилась трагедия, заинтересовавшая газетчиков, им пришлось объяснять читателю, что она, Остия, есть такое.

«Это не первый человек, убитый в Остии». «В Остии находятся свыше 4500 евреев — переселенцев из Советского Союза. Их пребывание на римском побережье временное: после выезда из СССР первыми перевалочными пунктами на пути в другие страны как раз являются Остия и Ладисполь... Выясняется, что очень часто советские евреи, выехав в Израиль и столкнувшись с трудностями и неудобствами жизни в этой стране, предпочитают новую эмиграцию. Так они приезжают в Остию и очень долго ждут здесь, не получая при этом никакой помощи со стороны международных организаций и ассоциаций. Все заставляет думать, что Леонид Баткин, который был найден убитым недалеко от моста Скафа, относился к этой категории эмигрантов».

Потом стало ясно, что Леонид Баткин, жертва, относился к так называемой «мафии», но пока ничего не ясно, репортер продолжает так: «Несомненным остается то, что некоторые жители еврейской колонии стали жертвами загадочных происшествий». Далее следуют описания происшествий.

Убитый не принадлежал, конечно, к «греческой группе», он сам был частью той ОСТИИ, которая должна была задушить «греческую группу», так «заботливо» перевезенную из Афин, так удачно «спасенную».

В другом репортаже из Остии читаем: «Тяжелая жизнь в Остии приводит некоторых переселенцев к необычным занятиям». И снова несколько объясняющих фраз: «...в Израиле они получают временное жилье и временную работу. Но в государстве, которое фактически со времени своего основания находится в состоянии войны, в котором военный бюджет истощает и без того скудные экономические ресурсы, это временное положение может затянуться на долгие, долгие годы. Такие трудности, как язык, климат, наконец, западная конкуренция, участвовать в которой переселенцам из социалистических стран очень трудно... В Остии они не получают помощи. Они вынуждены платить по 125 тысяч лир за каждую снятую койку, это твердая арендная плата, установленная хозяевами, которые без труда получают астрономические прибыли и совсем не обременены поисками жильцов... Они не могут найти в рамках закона никаких источников дохода. Не стоит брать в расчет продажу льняного белья, фотооборудования и точных приборов, которой занимаются на причалах Остии и порта Портезе. Эти вещи они взяли с собой из СССР, но они очень скоро кончаются. Те, кто живет в еврейской колонии, вероятно, вынуждены предаваться занятиям, охарактеризовать которые трудно, но факт существования которых достоверен. Вчерашнее преступление подтверждает это еще раз: убитый имел немецкий паспорт, а тот, который исчез,— канадский. Очевидно, для тех, кто мог свободно пересекать границу, Остия и ее колония переселенцев были источником доходов. Каких?»

Из письма на бывшую Родину. *«Хотелось бы, чтобы у вас было хорошо,*

даже если иногда и чего-то не хватает — это не самое главное, помимо хлеба, а хлеб ведь есть, есть вещи... Жизни здесь нет. Я живу в пещере. Будьте здоровы и счастливы. Крепко вас целую».

Старый Булкин начал в Остии совсем слепнуть. Всю семью кормит жена, распродавая вещи на «американке». Вещи она покупает у новых приезжающих. Она может купить только плохие дешевые вещи. Дорогие перехватывает «мафия». Дочь Булкина работает неофициально в кафе судомойкой. Судьба их земляков, тоже из Бобруйска, семьи Черниных, еще страшнее. Чернин, его жена, трое взрослых сыновей и восьмидесятипятилетняя бабушка живут на зарплату сторожа еврейской синагоги. Уже полгода один из сыновей (в Союзе был женат, писал стихи и занимался музыкой) находится в римской психлечебнице, и семья вынуждена надеяться, что его никогда не выпустят, потому что размеры счета за лечение трудно себе представить. Семья на грани того, чтобы отправиться в ту же лечебницу.

Спасители из РАВ-ТОВ несколько раз обнаруживали свое внимание к гибнущей «греческой группе». На членов группы с поразительной регулярностью вдруг начали поступать анонимные доносы. Анонимки пришли в посольства западных стран. Подобные же письма — от неизвестных, прекрасно осведомленных обо всех подробностях жизни группы — помешали нескольким мужчинам получить работу в канадской фирме, которая уж было выдала им «рабочий гарант».

Был ошельмован и Михаил Каган, автор многочисленных петиций, просьб, которые он направлял в различные организации от имени всей группы и за подписью всей группы. На него надеялись, так как он, повторяю, знал иностранные языки. А остальные были беспомощны даже заявить о себе. По телефонному звонку от некой мисс Элер, директора римского отделения американской организации ХИАС, был уволен из гостиницы «Санта Андреа» «бывший израильтянин» Марк Земелхин, из «греческой группы». Хозяин смог утешить его только тем, что в то время, когда Марк работал у него, он был им чрезвычайно доволен. Какую должность занимал Марк в штате гостиницы «Санта Андреа»? Он мыл туалеты, работая по десять часов в день без выходных за половинный оклад. Какой путь ждал теперь «израильтянина»? Когда человек в Остии начинает ночевать на скамейке, его могут подобрать для такой службы: обходить своих бывших соотечественников, а сейчас товарищей по беде, с так называемыми «квитками» — своеобразным вопросником, с помощью которого собираются сведения, используемые в дальнейшем самым разным образом. В частности, антисоветскими радиостанциями.

— Мои дети как беспризорные. Они уже два года не учатся,— сказал корреспонденту газеты Амрун Малаев, бухарский еврей, член «греческой группы».

«Их дети не учатся» — с таким заголовком вышла газета. Не учатся дети тех, кто бросается к прохожим, предлагая купить какую-то дрянь. Их дети не учатся. Они подрастают, они могут стать преступниками. Может ли Амрун Малаев утверждать, что его беспризорные сыновья еще не пробовали наркотики? Что касается другого члена группы, Бориса Илизарова, то он знает точно, что его сыновья — шестнадцати и четырнадцати лет — не только пробовали. Он знает, что кто-то «из своих же» предложил мальчикам неплохой бизнес — распространять наркотики среди сверстников. В Италии за такой промысел малолетним ничего не грозит. Илизаров в отчаянии. Он твердит корреспонденту, что его сыновья «отлично учились в советской школе, занимались спортом». Они и его жена Сара теперь зовутся «грязными перекупщиками». Среди «своих же».

Но в Остии нет своих. Там и свои, как все, «бывшие». «Мафия» состояла из восьми человек, как считают следователи, разбиравшие дело об убийстве в Остии, и занималась тем, что грабила, обманывала и терроризировала своих бывших соотечественников. Один из «банды Баткина» специализировался на визитах к вновь прибывшим. Он появлялся в гостинице и бросался с объятиями к незнакомым людям. Он знал, что люди по привычке «покупаются» на землячестве и родстве. Он был родом из Киева, Гомеля, Бобруйска, Ленинграда... Он обещал помочь, он предлагал серьезные услуги — продажу привезенных вещей. Деньги скоро понадобятся. Он уходил с брильянтами, фотоаппаратами и бельем. Мгновенный обмен «камушков» на стекляшки не был даже риском. Обманутые люди боялись обращаться в полицию. Так же вели себя ограбленные, избитые. «Подозреваемый в убийстве членов «банды Баткина» — полусумасшедший,— объявили газеты.— Он не сделал никакой попытки организовать дело как следует. Его нашли в Неаполе, полумертвого от наркотиков. Самоубийство или страх?»

Через несколько недель после окончания процесса над жалким убийцей репортеры захотели снова рассказать об участниках «остийской драмы». Например, о главной фигуре — некоем Сене Гомельском, организаторе самых крупных дел, проворачиваемых в Остии теми, кто оказался сильнее «своих же». Поздно! Большинство лиц, чьи имена мелькали на процессе, уже находились за океаном. Самостоятельное расследование, проведенное некоторыми журналистами, обнаружило еще одного участника дела — странную фигуру «Саши из американского посольства»...

А «греческая группа» продолжает свои мытарства. Их называют «русскими» для удобства, это прозвище. «Русские из греческой группы» — здесь нет слов, называющих национальность, родину, имя... Есть еще отдельная группа под названием «Остия». И еще... Сколько их, этих групп людей, подобных островам в море безнадежности, нищеты.

«Молодой человек найден мертвым. Судя по документам, он являлся гражданином Израиля. Есть основания полагать, что он один из тех, кто попытался эмигрировать вторично...»

Четырнадцать членов «греческой группы» голодали больше двух недель, чтобы привлечь к себе внимание общественности (но какой?). Женщины заявили, что привлекут к голодовке и своих детей, если их не спасут.

Но их уже с п а с а л и. Их спасали от потери «еврейского самосознания», спасали, когда проводили через таможню в итальянском порту. «Спасаясь», они выехали из СССР, спасаясь, пытаются бежать назад...

***«Просьба.** Самые крайние обстоятельства побудили меня обратиться к Вам с данной просьбой. Вопрос не только серьезный, но и жизненно важный. Речь идет о спасении двух людей. Моя сестра и ее муж поддались сионистской пропаганде и эмигрировали... Они измучены физически и морально... Не дайте им умереть на чужой земле и под чужим небом».*

На петицию «Всем, кому не лень читать», написанную Михаилом Каганом от имени «греческой группы», было два ответа. Конгрессмен Марио Бьяджи Примо был «огорчен положением группы» и призывал к мужеству. «Защитник советских евреев, страдающих в СССР», американский сенатор Джавитс обещал повлиять на «компетентные каналы». Это было в восьмидесятом году. Когда наступил третий год скитаний, группа устроила демонстрацию перед зданием Общества Красного Креста...

На письмо без подписи, адресованное мне, я мог ответить, только написав об Остии правду.

■

Герхард КРОМШРЕДЕР,
Хартмут ШВАРЦБАХ (фото),
западногерманские журналисты

«Мы должны

Молодые люди, сидящие возле меня (сорок человек, одетых в одинаковые желтые рубашки с надписью «Боруссенфронт», вместо сдвоенного С в середине надписи — рунический знак СС), вскидывают правую руку в гитлеровском приветствии. Они орут: «Еврей-еврей-еврей». Вот уже человек сто скандируют «еврей-еврей-еврей». Тех, кто орет вместе с ними, становится все больше. Крик волнообразно распространяется по стадиону. Я пытаюсь по громкости определить, сколько же глоток так тупо и яростно его извергает. Может, несколько сотен человек, а может, тысяча из тех 25 тысяч, которые собрались на стадионе?

Сейчас не 1933-й, сейчас 1983 год. И не Адольф Гитлер выступает перед членами НСДАП на имперском партийном съезде, а открывается футбольный сезон на франкфуртском лесном стадионе. Играют команды федеральной лиги «Айнтрахт» (Франкфурт) против «Боруссии» (Дортмунд).

Крик постепенно затихает, теперь орет только сотня, а затем уже десяток дортмундских болельщиков. Игра продолжается. Арбитр Нибергалл, который вызвал крик тем, что, по мнению болельщиков, несправедливо назначил штрафной удар в сторону дортмундской команды, перестал быть «евреем» и больше не интересует их. Теперь крик обращен против франкфуртских игроков: «Бейте их, бейте их, бейте их до смерти»,— орут молодчики из «Боруссенфронта».

Эта воинственная группа молодых людей из Рурской области представляет новый опасный вариант футбольных фанатиков — праворадикальных банд, для которых увлечение спортом лишь повод для скандалов, прежде всего с иностранцами.

Когда самого активного фюрера неонацистов Михаэля Кюнена из Гамбурга спросили в интервью, где он собирается набирать новых сторонников, он ответил: среди бритоголовых и футбольных болельщиков, «которые нам очень помогают, но еще не совсем разделяют наши политические взгляды».

Действительно, некоторые клубы болельщиков все более сползают вправо. Убежденные неонацисты проникают в их ряды и используют их страсть к попойкам и потасовкам для проведения политических акций. Например, люди Кюнена сделали все, чтобы внедриться в клуб «Львы». Неонацисты, как хищные рыбы, ищут свою «водную среду» на футбольных стадионах. «Национальные активисты» Кюнена в «Информационном письме о положении движения» призывали своих сторонников и в дальнейшем черпать пополнение в клубах болельщиков, устраивающих дебоши на футбольных стадионах уже в масштабах всей ФРГ.

Во Франкфурте активно действуют бывшие члены «Военно-спортивной группы Гофмана». Они делают доклады на тему «Ложь Освенцима», проводят совместные «военно-спортивные игры», в Бад-Херсфельде участвовали во встрече бывших солдат дивизии СС «Адольф Гитлер». Их аудитория — болельщики клуба «Айнтрахт» — «Юнайтед» и «Адлерфронт».

В клубах болельщиков «Феникс» (Карлсруэ), «Гертафрешен» (Западный Берлин), «Ротэн Вольфен» (Ганновер) также заправляют неонацисты.

— Между клубами болельщиков обычно нет вражды, хотя их команды и выступают как соперницы в национальной футбольной лиге. В конце концов мы все боремся против дикарей-иностранцев,— говорит мне Лео, казначей «Боруссенфронта» и содержатель ресторанчика «Цум гробшмидт», с которым мы сидим за столиком. На двери ресторанчика вывеска: «Левые? Нет, спасибо!», на столике возле стойки лежит стопка листов, предназначенных для сбора подписей в поддержку «Акции прекращения въезда иностранцев».

Ресторанчик расположен в северной части Дортмунда на улице Штальверкштрассе. Мрачный район. Высокая степень безработицы, большой процент рабочих-иностранцев.

Три дома около «Цум гробшмидт» принадлежат «Иностранному культурному союзу», на противоположной стороне улицы — помещение. «Турецкого союза». Над его входом видна надпись: «Немецко-турецкая дружба».

— Туда не заходит ни один порядочный немец,— говорит Лео.

В задней комнате «Цум гробшмидт» собралось 30 членов «Боруссенфронта», самому молодому 17 лет, остальным примерно по 25. Перед открытием еженедельного заседания звучит троекратное «зиг хайль!» и вариант фашистской песни «Хорст Вессель», придуманный «Боруссенфронтом»:

Выше знамя, сомкнем ряды!
«Боруссенфронт» марширует
твердым шагом!

Обсуждаются последние «экспедиционные вылазки». Во Франкфурте перед стадионом избиты шесть турок, в Кайзерслаутерне, увы, ничего: местный футбольный клуб запретил любое выступление «Боруссенфронта» на своем стадионе. Зато в Дортмунде вместе с приехавшими туда болельщиками из других городов подогревали атмосферу и все время орали: «Зиг хайль, «Дортмунд», зиг хайль!»

О результатах обеих игр на чужом поле — «Франкфурт» — «Дортмунд» 2:2, «Кайзерслаутерн» — «Дортмунд» 2:2,— никто не сказал ни слова. В этом клубе болельщиков футбола сам футбол никого не интересует.

Заседает «суд фронта». В повестке дня один пункт: может ли исключенный член клуба Баллерман — такова здесь его кличка — быть принятым вновь? За вновь принимаемого должны

НАЧАТЬ!»

проголосовать все члены клуба, после этого новичку полагается выдержать пять ударов кнутом по спине и не вздрогнуть. Такие же условия и для тех, кто был исключен. Раньше кандидатов испытывали пятью дротиками, которые вонзали в спину. От этого пришлось отказаться. Как объяснил Лео, «дротик мог попасть в позвоночник, и парень остался бы на всю жизнь калекой. Калеки нам так же не нужны, как и иностранцы».

«Суд фронта» решил: Баллерман исключен окончательно. Обоснование: ради своей семьи и заработка на государственной службе он не проявил должного корпоративного духа, несколько раз подозрительно воздерживаясь от потасовок.

Заседание заканчивается возгласами: «Германия для немцев — иностранцы вон!» При этом все вскидывают руку в гитлеровском приветствии — все эти Лео, СС-Зигги, Маскотхен, Фусси, Йорг, Ауге, Хазе и как их там еще называют в клубе. Некоторые, выбрасывая вперед руку, широко растопыривают пальцы, так как «настоящее» гитлеровское приветствие с тесно сведенными пальцами запрещено и наказуемо.

Главный в группе из 40 человек — содержатель ресторанчика Лео, 44 лет, бывший водитель такси. Он со своими молодчиками уже участвовал в охране сходок неонацистов. Здоровый как бык СС-Зигги — душа группы. Полтора года назад он был в Аргентине, сбежал туда после драки с турком. По словам Зигги, в Южной Америке у него установились связи со старыми и новыми нацистами. Больше всего ему понравилась там одна, подобная военно-спортивной, террористическая группа, человек 100, посвятившая его в кое-какие секреты. «У них свой самолет со свастикой на крыльях. Кроме того, они взорвали кинотеатр, где собирались демонстрировать еврейский пропагандистский фильм»,— с восторгом рассказывает Зигги об этих секретах. В июле он вместе со своими дружками из «Боруссенфронта» побывал на ежегодной международной встрече фашистов в бельгийском городе Диксмунде. «Там были настоящие сливки общества: «национальный фронт» из Англии, ку-клукс-клан из Америки, испанцы, итальянцы, люди Гофмана и отряд Кюнена».

Суббота. Игра на своем поле в Дортмунде против команды ХСВ. Подкрепление прибыло со всей республики. Неонацисты из Киля, Франкфурта, Оснабрюка присоединились к «Боруссенфронту». Из Гамбурга приехала делегация «Львов» и, естественно, Вакер, главарь гамбургских бритоголовых, 21 года от роду, он учится на коммивояжера и мечтает стать нацистским штурмовиком, чтобы «иметь право драться на улице», как он поведал в интервью «Шпигелю» под псевдонимом Франц.

Из Западного Берлина прибыл блондин Арне со своими людьми из группы «Циклон-Б». Так назывался газ в нацистских лагерях смерти. Осс, который сидит рядом со мной, раньше тоже входил в это объединение боевиков, сейчас он член западноберлинской группы по организации дебошей «Шпрее-рандале». На стадионе он продает, доставая из пластиковой сумки, книгу «Ложь Освенцима». Предисловие к ней написал бывший юрист и главарь неонацистов Манфред Редер, в прошлом году приговоренный за террористическую деятельность к 13 годам заключения.

Клаус из «Гертафрешен» протискивается между нами, хлопает Осса по плечу. Они знают друг друга по совместным вылазкам; они были вместе и тогда, когда свыше ста «болельщиков» в ноябре 1982 года разгромили турецкую лавку.

Западноберлинские бритоголовые входят, маршируя, в «Цум гробшмидт». «Берлин, Берлин, железный Берлин»,— орут они и вскидывают вверх правую руку. По сравнению с ними одетые в более штатскую одежду представители «Красных волков» из Ганновера выглядят просто пай-мальчиками.

Один из «волков» хвалится: «Смотри, какая рана», и показывает на кровоподтек под глазом. «Это случилось, когда я избил одного турка». Я спрашиваю: «Ну а он свое получил?» — «Он лежит без сознания». Бахвальство ли это? Не думаю.

Во время игры «Дортмунд» — «Гамбург», которую большинство приверженцев «Боруссенфронта» и их приехавшие друзья провели в пивных под трибунами стадиона, не все идет по плану: они чуть было не схватили одного турка, но тому удалось бежать.

Возвращаемся в «Цум гробшмидт». Все раздражены: «акция» не получилась. Утешаются пивом и живодерскими песнями типа «Надо бить турок — это же ясно».

Все это только слова, думаю я в тот момент. С улицы вдруг доносится крик: «Начинается!» Все мчатся туда. В «Иностранном культурном центре» звякают стекла, из турецкой закусочной летят стулья и бутылки. В воздух со свистом взвиваются сигнальные ракеты. Перед закусочной в автомобиле сидит перепуганная турецкая семья с двумя маленькими детьми. Боевики окружают машину. Они орут: «Турки, ваше место — в Анкаре, ура, ура, ура!» — и барабанят в такт кулаками по кузову. Заметив новую жертву, молодчики из «Боруссенфронта» оставляют в покое семью в машине. Мужчину, который хотел спрятаться за штабелем бочек, они избили до крови, другого сбили с мопеда. Они бьют каждого, кто хотя бы чуть-чуть похож на турка. Уже пять раненых остались позади. «Турок,— говорит мне Зигги,— мы должны выбить. К сожалению, больше не существует концлагерей».

Он показывает мне письмо от группы Кюнена. «Дорогие друзья,— говорится в письме,— вскоре на олимпийском стадионе в Западном Берлине состоится международная встреча по футболу между ФРГ и Турцией. По этому поводу группа планирует провести мероприятие, которое состоится вечером перед встречей». Приглашают всех желающих. Подобные предложения уже несколько недель распространяются в кругах болельщиков. В Кайзерслаутерне конфискованы листовки, которые призывают превратить международную встречу по футболу в день борьбы «против вонючего иностранного сброда». Игра с командой Турции должна стать «сигналом для всего народа республики. Иностранцы — стоп. Иностранцы — вон. Вышвырнем иностранцев с нашей земли. Только сила может нас освободить. Мы должны начать!»

Postscriptum. Молодежь западноберлинского района Нойкёллин недавно организовала и провела футбольный турнир под лозунгом: «Сообща — против враждебности к иностранцам!» Эти футбольные состязания стали их ответом на кампанию травли турецких рабочих, развязанную неонацистами. В товарищеских матчах приняли участие спортсмены-любители разных национальностей. Молодые западноберлинцы призвали жителей города объединить силы для борьбы с провокациями неонацистов, проявить солидарность с иностранцами, работающими в их городе. ■

ВЫСОКИЙ ГОЛОС

А. ПОЛИКОВСКИЙ

1 Даты жизни: год рождения, год первого успеха, год автокатастрофы и рождения сына. Названия пластинок. Перечень городов, где была с концертами, список людей, с которыми встречалась, работала, была дружна. Ворох цитат, выписанных из статей о ней и из интервью, начиная с 1964 года. Отдельно — набор происшествий, подробностей («...в Кракове забыла текст песни от волнения, ей было восемнадцать...»). Список призов, премий, вереница успехов.

Магнитофонные кассеты с голосами людей, вспоминающих ее. Листы бумаги с записью воспоминаний — не все соглашаются вспоминать в микрофон, не всех магнитофон настраивает на свободный, разговорный лад...

Фотокарточки — черно-белые, глянцевые прямоугольники жизни, уже бывшей.

Живой образ — дрожит неуловимо где-то между этих камешков, где-то внутри, где-то вне. Живой образ — неуловимый язычок пламени: в руку не поймаешь, а все-таки есть.

И не меньше (больше) всех фактов-камешков дает тут ее голос, который по природе своей есть только движение воздуха... В голосе Анны Герман душа ее выражена с острой, наполняющей силой; может быть, голос ее и есть ее душа, оставшаяся с нами благодаря чуду звукозаписи.

2 Темперамент: тут пригодятся и фотокарточки, и рассказы людей, ее знавших. Крупный прямой профиль, в котором есть жесткая, волевая сдержанность. Вот фото: она в аппаратной Большой студии, только что спела, теперь прослушала вместе с редактором, звукорежиссером и композитором, они вокруг нее — спорят, обмениваются мнениями и решают что-то, что им кажется важным. Они думают, что они решают. Но решает она (уже решила). Стоит, ворот блузы расстегнут, руками обхватила сама себя под локти, глаза закрыты. Она замкнута в себе.

Эта усталая непреклонность, запечатленная на фотокарточке, исчезает бесследно, когда Герман на сцене. Она становится ранима, как только может быть раним человек, представляющий самый заветный свой труд на всеобщее обозрение. И какой беззащитностью, какой мольбой звучит тогда вопрос, который она повторяет, уйдя со сцены за кулисы: «Ну, как? Ну — как?»

3 Герман — эстрадная певица, и поет она (пока что) милые небольшие песенки, эстрадные песенки, расходящиеся по миру из тысяч репродукторов,— довольно странные, впрочем, песенки.

Странные тем, что они — ниже ее.

Елочки-сосеночки,
Родная сторона.
Что-то слишком долго я
В лес хожу одна.

Но она поет их в большом количестве — зачем? Может быть, ей хочется «доходить» до возможно большего числа людей? Сама она называет это — «будничные песни». Должны же быть и будничные песни?

Она не опускается до них, а поднимает их до себя. Голос ее облагораживает.

4 Она ждала до двадцати восьми, не надеясь на славу, не желая быть любой ценой в центре внимания, а просто ждала и надеялась. В душе ее, в тишине и негромко, рос ее дар... Одно мгновенье, одна песенка — «Танцующие Эвридики» — за руку вывело ее на авансцену, как Золушку, она огляделась и увидела себя в лучах прожекторов, и ей улыбался, кланялся дирижер с щеголеватой бородкой. Ветер пролетал в темных деревьях. Это было в Сопоте, вечером.

И тут же (всего на три года дано счастье или то, что потом покажется счастьем) — удар, сокрушающий тело, сдвигающий душу. Потеря подвижности. Провалы памяти. Но (из-под сдвинутого камня бьет новый ключ) Герман пишет теперь музыку. Рядом с кроватью стоит магнитофон — она поет на него рождающиеся мелодии. Несчастное, мучимое болью тело сжато в гипсовом мешке. Бедная, окровавленная душа все же парит.

5 Постоянное движение души — и адская неподвижность тела после того, как маленький красный автомобиль вылетел с шоссе между Болоньей и Миланом. Врачи искали в кровавом месиве вены, чтобы сделать переливание крови. Потом залили все тело гипсом.

Гипс доводил до исступления. Не могла дышать.

Потеря памяти: не могла удержать и куплета. Мужество малой надежды: ну что ж, я буду петь, сидя на стуле в студии, держа в руках листок бумаги с текстом, чтобы не забыть.

Лекарства ест «как компот».

6 Женская судьба — терпеть и тащить (у каждой свой груз). Наши расхожие представления — «звезда эстрады» и в быту «звезда», и по кухне ходит, видимо, в костюме с блестками. Иногда представления наши и совпадают с жизнью, но не тут.

Люди вспоминают: те, кто знает ее и любит. Анна Николаевна Качалина, редактор всех ее пластинок, выпущенных на «Мелодии». Юрий Викторович Васильков, корреспондент «Труда» в Варшаве.

Концертные платья шьет сама — и проще, чем ездить на примерки, и дешевле. Комбинезон, оказавшийся сыну узким в поясе — расширяет вечером, в свободный час. Збышек с трудом отпускает ее по делам — он хочет, чтобы она все время была рядом с ним. Дома петь не дает — не любит звука пианино. Отсюда вечная женская раздвоенность между бытом и работой, чувство вины перед сыном: «Я плохая мать...»

Но как же так? Ведь «звезда»? Ведь концерты, гонорары, пластинки? Ведь освобождена от быта?

Концертов немного (не может, как другие, петь два раза в день, самочувствие плохое, до катастрофы в Италии — плохо с давлением, после — последствия болезни, и много сил забирает и один концерт). Паузы в выступлениях — три года после итальянской катастрофы, два года — пока подрастет сын. Вот в квартиру (мечта сбылась, под окнами есть маленький садик) приходят корреспонденты и видят, что стулья, диван и пол забросаны игрушками, преимущественно сломанными, на балкончике сохнет белье. От артистического реквизита — только огромное, в багете, зеркало. Но неминуемый вопрос «звезде эстрады», которая садится, отодвинув игрушки, на диван, с засученными по локоть рукавами (на кухне булькают кастрюли): «Ваши планы на будущее?» Сдержанная ирония в ответе: «Я охотно поделюсь ближайшими планами. Вот сейчас поговорю с вами и пойду готовить обед. Скоро придет с работы муж, а суп еще не готов. Потом буду стирать. А потом, ночью, разучивать шепотом новую песню. И думать о будущем».

7 «Человек, перенесший смерть»,— сказал о ней звукорежиссер Виктор Борисович Бабушкин, записывавший ее пластинки. Когда она первый раз после болезни вышла на сцену в Варшаве, зрители устроили ей овацию до того, как она начала петь.

Что это — подвиг? Нет, сама Герман называет это проще: «человеческая судьба». Голос ее в этой песне уже не источает идеальную грусть, смешанную с идеальным счастьем, как это было в «Эвридиках». Голос знает. И голос стал еще выше, еще чище. Голос, просветленный болью. И рефрен, повторяемый раз за разом и в последний раз — на пределе боли и воли: «Улыбайся! Улыбайся, что бы ни случилось, во что бы то ни стало!»

И она улыбается. Милая, мягкая, сильная Анна Герман. Настолько сильная, что не отвергает ни одной просьбы, обращенной к ней. Приходит в Ярославле после концерта за кулисы человек и просит спеть сочиненную им песню. Она согласна, она поет. Не первую песню она облагораживает своим голосом, а для того человека, в его — откуда мы знаем, какой? — жизни как много значит этот ее дар? Приходит после концерта очередной журналист в очередной гостиничный номер, где она пьет чай из термоса и ест бутерброды (ресторанов не любит, богемные привычки ей не свойственны, да у нее и сил нет на это; на концерте в ЦДРИ ставит на крышку рояля стакан молока и по глотку между песнями...), и она в очередной раз объясняет себя: «Все мы или любим, или ждем любви». Эта фраза идет из интервью в интервью. Или приходит Александр Львович Жигарев, писавший для нее тексты, и просит ехать, записываться для «Музыкального глобуса». Он только что видел, какая заводная, брызжущая энергией была она на концерте. Он не верит (а кто поверит?), что у нее вдруг нет сил. И она уже взяла себя в руки. Они выходят из гостиницы «Москва» — жизнь течет, жизнь прекрасна, бойко говорят люди и летают птицы, и впереди у нас целое будущее,— но Анна Герман теряет сознание на ступеньках гостиницы.

Страшная усталость? Или новая болезнь, новая борьба со смертью? (А ей так не хочется снова вступать в борьбу, ей хочется не бороться изо всех сил, а жить.)

8 Анна Николаевна Качалина вспоминает, что всегда была на лице у Герман улыбка, и на фотокарточках есть эта улыбка, предупредительно-милая, нежная. Большие дымчатые очки она носит. И вот чем дальше, тем чаще — незаметно или заметно для окружающих, при прежней неменяющейся улыбке — за очками в углах глаз стоят слезы.

Все же — такова ее выдержка, хоть и выглядит она хрупкой, хоть нервны и беззащитны ее спина и локти на еще одной фотокарточке, во время еще одной записи, и бледен профиль, прямой и прекрасный, как на римском барельефе — все же выдержка ее такова, что она не сомневается: болезнь (это рак) она победит. У нее есть опыт, как побеждать и боль, и болезнь. Но к врачу идти не хочет — хочет оттянуть ту минуту, когда уже нельзя будет жить, а надо будет бороться...

С годами все разительнее делается контраст между выражением глаз и губ. Анна Николаевна закрывает на фотокарточках то верхнюю часть ее лица, то нижнюю: «Вы видите? Вы видите?» Глаза привыкли к боли, смирились с болью, глубоко ушли в душу (тут можно так сказать), а губы — нежно и застыло улыбаются улыбкой «звезды».

Ведь Герман работает против боли, поверх боли. Она научилась раздваивать себя. Каким усилием вырабатывается эта техника терпения? Боль — там, внутри, вытягивает из тебя все силы, все нервы. А ты — поверх боли, не замечая боли (ну, попробуй, не заметь!) — делаешь свое дело, поешь: «А он мне нравится, нравится, нравится...»

Но доктор Сергеев из института имени Склифосовского, к которому чуть ли не насильно привела ее Качалина, не помнит, чтобы Герман очень плохо себя чувствовала. Не заметил он в ней той усталости от боли, что выжимала из нее слезы. Она пришла к нему — обаятельная, улыбчиво-милая Анна Герман.

9 Она начинает разучивать мужские романсы и старинные песни (вечером после записи приходит в гости к Анне Николаевне Качалиной. Герман: «Я собираюсь спеть «Из-за острова на стрежень». Мама Анны Нико-

лаевны: «Да как же, Анечка, это же поют мужским голосом, таким басом!»). И вот она поет уже со сцены и с пластинок «Гори, гори, моя звезда» и «Выхожу один я на дорогу».

Это прорастало в ней невидимо для нас. Это другая, совсем другая Герман!

И в голосе ее, достигнувшем чудной, неизъяснимой полноты и чистоты, звучит гармония последнего неба.

10 Тут — вместе с Герман— перед новым шагом остановимся, как советовала и просила ее Анна Николаевна Качалина приостановиться, звала к врачу. Может быть, не надо так, может быть, лечь, отдохнуть, может быть, хватит (пока)?

Ведь (это 1980 год, май) Герман выходит на сцену с опухшей левой ногой. Не может ходить. Расстегнув босоножку, выходит и весь концерт стоит неподвижно, якобы кокетливо отставив ногу. И поет. Нога от неподвижности опухает еще больше.

Поет «Гори, гори, моя звезда». Как строг ее голос. Как холоден, словно осенняя вода в реке. И как точно поет она, из души своей давая нам глоток той гармонии, по которой мы тоскуем. Я думаю, так пели при Пушкине, при Тютчеве...

Приходит время высокой поэзии для Анны Герман. Только она сама знает, почему именно сейчас, а не раньше.

11 На радио получают письмо из Средней Азии: слушатель из Ургенча вспоминает, что во время войны слышал в своем городе, как пела девочка, дочка польских эмигрантов. Не Анна Герман ли была та девочка?

Анна Герман действительно жила в детстве в Ургенче. Отец у нее был поляк, но корнями детства, языка и памяти она связана с Россией.

Первая часть ее жизни прошла тут. Вторая — в Польше. Но свою первую, детскую родину она носила в себе, где бы ни была, и пела на русском, и тянулась к русской песне. В письмах слушателей, шедших на радио и телевидение, ее сравнивали старые люди с Вяльцевой, с легендарной певицей, олицетворявшей собой старинную русскую песню, с ее плавным широким движением. «Мне в русской песне просторно»,— говорила Герман.

В ее душе в один узелок завязывались две ниточки: польская и русская. И после ее смерти, в письме, пришедшем на телевидение из Майкопа, подписанном инициалами А. М., было написано: «Какая потеря для нашего (да, да, и для нашего!) искусства — смерть этой женщины...»

Не один слушатель из Средней Азии думал, что много лет назад, в военные годы, свела его судьба с девочкой Анной, ставшей потом певицей. Так казалось и верилось и другим, и в письме из Майкопа шло дальше:

«Мне всегда казалось, что я лично знала этого человека — Анну Герман. Давно. В детстве. В 44-м году, в августе, наша семья возвращалась из эвакуации к себе на родину, на Украину. Все сибирские украинцы собирались на станции Тяжин. Ждали эшелон, который должен был увезти нас домой. Ждали долго — две недели. А рядом с нашим биваком образовался еще один — польский. Все эвакуированные в Сибирь поляки тоже ждали эшелона, который должен был увезти их в Польшу. За две долгих недели мы очень подружились с польской девочкой. Понятное дело, нам было по 8 лет. Вместе играли, вместе бегали на станцию смотреть поезда с нашими красноармейцами, которые ехали на фронт. Однажды на наших глазах один из пожилых солдат отстал от поезда, побежав за кипятком. Когда он выбежал на перрон, где стоял его эшелон, перед ним ползли последние два вагона. Солдат ухватился за скобу товарного вагона и прыгнул на буфер. Рывок паровоза — и солдат упал на рельсы. А поезд ушел. Солдат лежал сначала неподвижно, потом приподнял голову. И мы увидели его глаза, полные боли, слез. И какие-то совсем не взрослые они были, эти глаза, а детские, молящие, беззащитные... Мы с ней стояли и плакали, потом бежали за носилками для солдата, который не мог себе позволить отстать от поезда, идущего на фронт. Мы стояли рядом с ним, когда его перевязывали в станционном медпункте. Потом медсестра заметила нас: «Вы что здесь делаете? Это ваши дети?» Он силился нам улыбнуться, понимая, как мы напуганы: «Да, мои...»

С той поры прошло почти 40 лет. Но я помню и того солдата, и польскую девочку. А когда узнала об Анне Герман, мне показалось, что это она была тогда на станции Тяжин. Еще и поэтому она мне была близким и дорогим человеком».

12 Александр Львович Жигарев звонит в Варшаву, просит Анну Герман ответить на письмо. Разговор записывается на магнитофон, для будущей радиопередачи.

Глубокая осень с дождями. Герман болеет: она уже вошла в то время, в которое не хотела так долго входить...

— Какая приятная неожиданность этот звонок! — Голос ее, как всегда, светится мягким, веселым доброжелательным чувством.— Как хорошо... вдруг... а у нас осень... и тут звонок, твой звонок из Москвы...

Через некоторое время он звонит еще раз. Он слышит ее тяжелое дыхание. Ей плохо. Она плачет. Это тем более ужасает его, что он, как и все, знал ее всегда сдержанной и безгранично терпеливой.

На страшных качелях отчаяния и надежды уже раскачивает ее болезнь.

Юрий Викторович Васильков навещает ее, когда длинные золотые волосы, доходившие ей до пояса, отрезаны: она больше не может сама их убирать. «Я еще встану и оденусь», — говорит она. Одеться для нее уже очень трудно.

Письмо, которое получает из Варшавы Анна Николаевна Качалина, датировано за три месяца до смерти. Письмо дышит надеждой, и по тону ясно, что худшее позади. В тоне письма — что-то очень спокойное, невысказываемое словами. И звучит острой щемящей ноткой ее ирония: «Собиралась уже ехать (плыть) на тот берег, но скряга Харон без денег не везет...»

■

КТО РОСТОМ ВЫШЕЛ. Чехословацкие антропологи зафиксировали: с конца прошлого века средний житель страны подрос на 10—13 сантиметров. Выросли и проблемы выросших сограждан. Именно им, проблемам и решениям, была посвящена встреча в Праге, на которую собрались 150 гостей на самом «высоком уровне»: девушки от 180, ребята — от 190 сантиметров и выше. Инициаторам встречи помогал журнал «Млади свет». Собравшиеся сообща выдвинули рекомендации для швейной, обувной и прочих промышленностей, в кулуарах же договорились об учреждении всяких туристских групп и обществ совместного досуга.

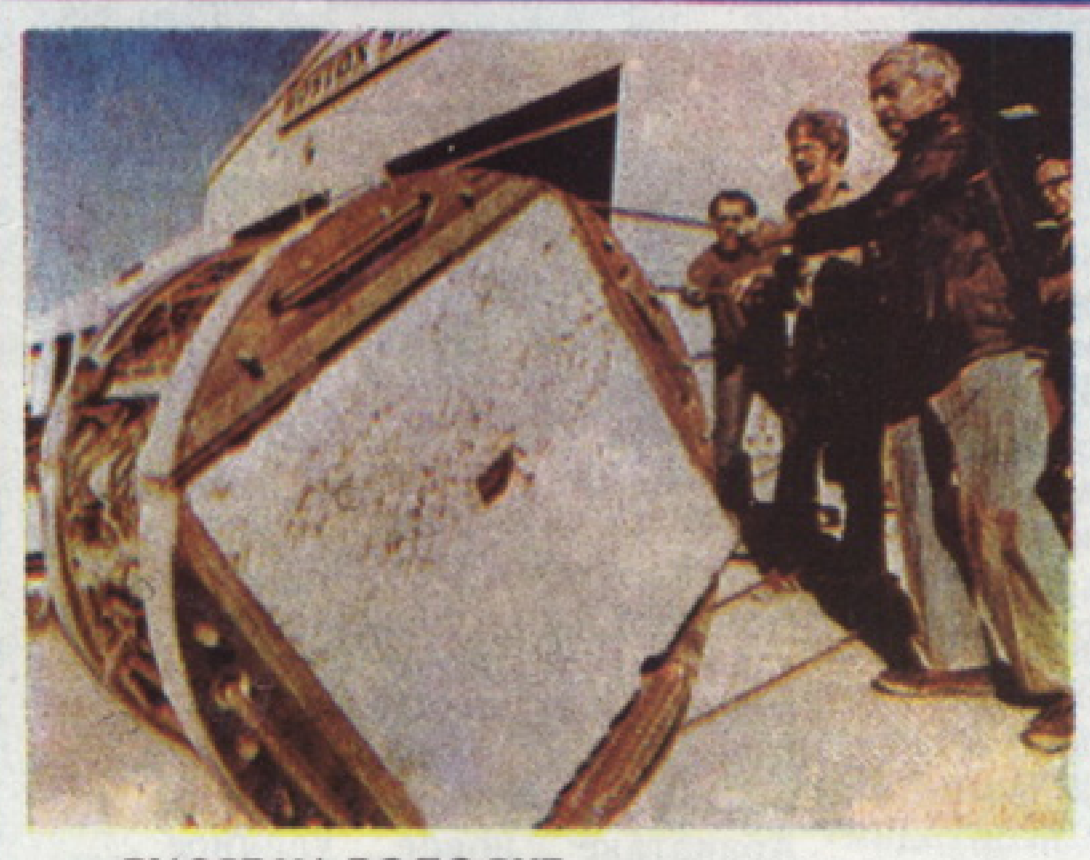

ДЛЯ СВЕТА, ДЛЯ ЖИЗНИ. Похоже, в Париже вскоре откроется музей Пикассо. Поначалу у Жаклин Пикассо, вдовы Пабло Пикассо и владелицы самой значительной части коллекции его произведений, были намерения превратить в музей «Шато Вовенарг» дом, где прошли последние годы жизни художника. Но, к общему удивлению, муниципалитет городка Нотр-Дам-де-Ви свое согласие на открытие музея не дал, пояснив, что горожане предпочитают славе тишину и покой. Пока музея Пикассо нет, вдова художника устроила выставку некоторых картин в музее изящных искусств города Нима. Она выбрала восемьдесят произведений — самых, как она сказала, близких, любимых. Среди них — «Жаклин в черном платке» и «Автопортрет», написанный в горький момент жизни Пикассо: художник незадолго до того узнал о смерти своего друга, поэта Аполлинера. Перед смертью, вспоминает Жаклин, Пикассо сказал о картинах: «Их следовало бы поставить в саду, на солнце — только там их увидишь». Они для света, для жизни, для людей — говорит сама Жаклин.

«ДОРОГОЙ АЛЬБЕРТО, ГОВОРЯТ...» «Я и сам знаю, что обо мне говорят,— перебивает корреспондента Сорди — известный итальянский актер, режиссер, сценарист.— Говорят, что я жаден, циничен, нахален, подозрителен, завистлив и запрограммирован, как робот... Может быть, вы путаете меня с этими хитрованами и восторженными врунами? С этими моими любимыми героями-итальянцами?..» Итак, новый, 167-й фильм — «Таксист». Журналист, готовясь к интервью, подсчитал, что Сорди отснял уже 500 километров кинопленки. «Стакановиста» съемочной камеры»,— только и смог сказать журналист. Что значит — стахановец.

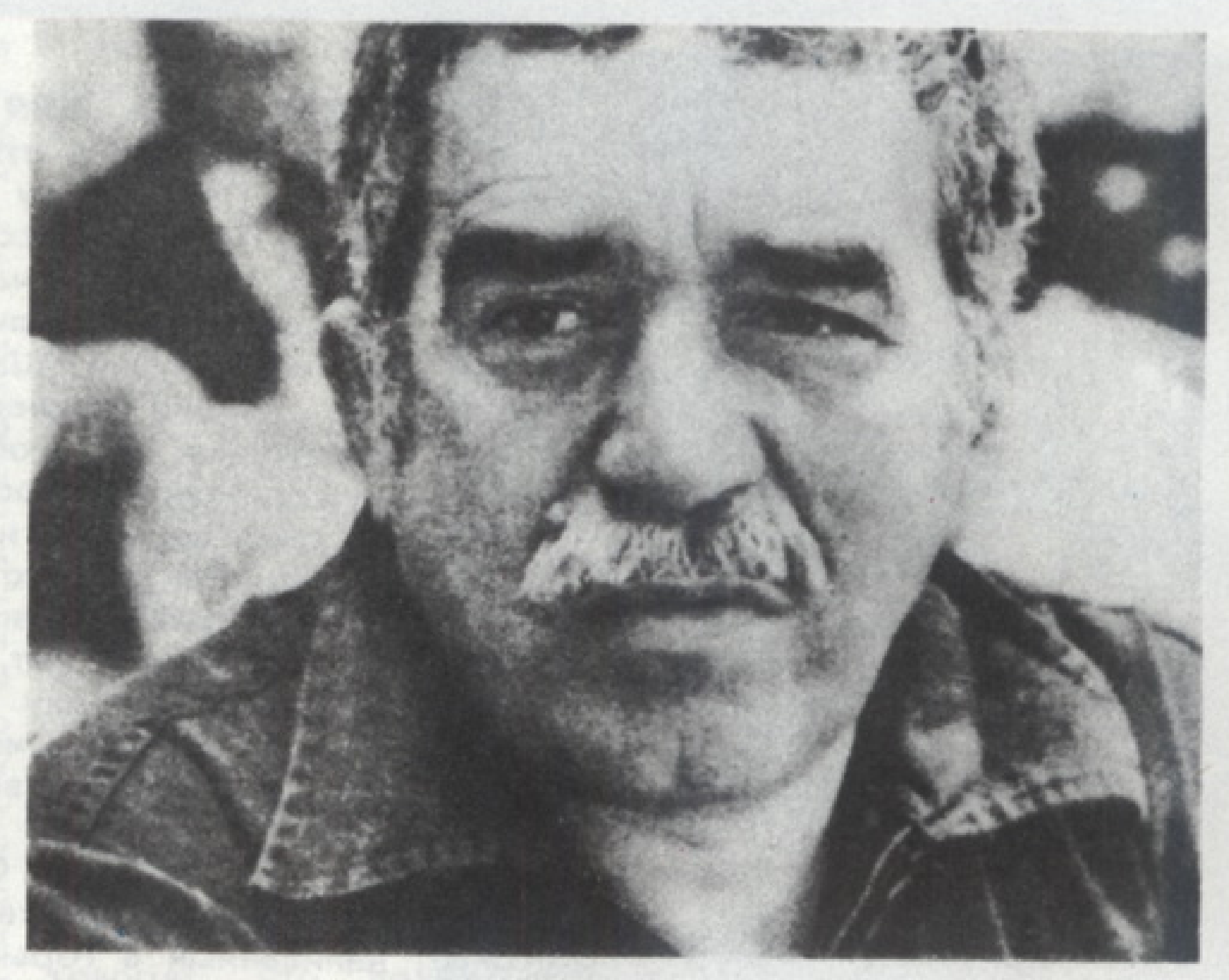
ВИСЯТ НА ВОЛОСКЕ все прежние представления и гипотезы о методах строительства древнеегипетских пирамид. На волоске — в буквальном смысле: 20-сантиметровом волоске древнего египтянина, обнаруженном Жозефом Давидовитсом, французским химиком, внутри камня, взятого из пирамиды. Как считает ученый, есть основания полагать, что камни эти «лепились» из раствора, а не вырубались из скалы. Но тогда где другие подобные сооружения?.. Отчего люди забыли впоследствии эту технологию? Тем временем сторонники прежних теорий предлагают свои варианты реконструкций способов перемещения огромных глыб, из которых сложены пирамиды. На снимке: инженер Джон Буш перекатывает глыбу в две с лишним тонны. Но не сизифов ли этот труд? Ведь окажись прав Давидовитс, все теории рухнут. Решительно все вопросы повисли сегодня на волоске.

ТЕРПЕНЬЕ И ЛЮБОВЬ. Походя и весьма эффективно разрушая дикую природу, человек с трудом и кропотливо ищет пути ее сохранения и приспособления к себе самому. Пример из растительной жизни — «сад зверей» на берегу Меконга. Ботаникам и садовникам понадобились годы терпеливого труда, чтобы вырастить такие вот поражающие глаз «живые деревья». Пример из жизни животного мира — впервые родились в неволе два птенца калифорнийского кондора; на воле-то их осталось всего лишь два десятка. Труд ученых, электроника, всякие хитрости с «искусственной мамой» из кожи и пластика — короче, работа целого центра в Сан-Диего, сколько трудов, чтоб не пропала жизнь...

«Поэтам и нищим, музыкантам и пророкам, воинам и мошенникам, всем нам, детям этой суровой реальности, почти не требуется воображения, потому что главная наша трудность — у нас нет средств для того, чтобы сделать нашу жизнь более правдоподобной. В этом, друзья, и кроется суть нашего одиночества...
Нашим ответом на угнетение, грабеж и измену стала жизнь. Ни потоп, ни голод, ни чума, ни прочие катаклизмы, ни даже нескончаемые многовековые войны не смогли свести на нет превосходство жизни над смертью».
«...если под политикой подразумевать возможность жить среди людей, работать в обществе индивидов, где каждый и уважает себя, и понимает, что его личная свобода кончается там, где начинается свобода других, тогда, пожалуй, мои фильмы тоже политические, поскольку именно об этом они и говорят. Пусть лишь показывая мир, в котором все это отсутствует».
Первая цитата взята из речи колумбийского писателя Габриэля Гарсиа Маркеса при вручении ему Нобелевской премии 1982 года.
Вторая — из книги итальянского кинорежиссера Федерико Феллини «Делать фильм».
Великий писатель и великий кинорежиссер современности, что можно рассказать о них на нескольких журнальных страницах? Книги Гарсиа Маркеса надо читать (на русский он переводится щедро), фильмы Феллини надо смотреть (на XIII Московском кинофестивале был организован ретроспективный показ фильмов признанного мастера, на экранах сейчас идут «Амаркорд» и «Репетиция оркестра»).
Те два материала, которые публикуются на последующих страницах, скорее иллюстративного характера.
Иллюстрация к Маркесу, иллюстрация к Феллини.
В первой рассказывается о городке, в котором писатель родился и вырос, о городке, превращенном им в легендарный Макондо из «Ста лет одиночества» (из этой книги мы и взяли подписи к фотографиям), о Латинской Америке, воспетой и прóклятой в «Осени патриарха», в новеллах, притчах и рассказах.
Во втором материале журналист тщетно пытается выяснить у Феллини, о чем же его будущий фильм «И плывет корабль». Феллини ускользает, Феллини не отвечает — ему «проще» снять новый фильм и показать его зрителям, пусть объясняют сами, он доверяет им.
Для тех, кто знает Феллини и Маркеса, эти материалы, возможно, станут каким-то дополнением к уже знакомому и любимому. А для тех, для кого Феллини и Маркес еще только должны начаться, может быть, они начнутся после этого знакомства?

Наш Габито

Райнер ФАБИАН,
западногерманский журналист

Обычным декабрьским вечером чудо явилось в тропический городок на карибском берегу Колумбии.

Люди Аракатаки сидели в своих креслах-качалках, судачили о том о сем, растворяясь в сумерках. И тогда их поразила весть: Габриэль Гарсиа Маркес, сын городка, получил Нобелевскую премию по литературе!

Это была чудесная весть, а чудеса были необходимы людям Аракатаки, как мужчинам рода Буэндиа, воспетым великой книгой, необходим был цыган Мелькиадес. Полубог-полугерой, полудьявол-полутитан, он пришел в Макондо из глубины истории и познакомил жителей городка с удивительнейшими изобретениями: магнитом, что мог выманить из домов все котлы, сковородки, винты и гвозди, гигантской лупой, пригодной для ведения «солнечной войны» и, конечно, с алхимией.

И когда жители Аракатаки узнали, что в романе о расцвете и гибели легендарного тропического городка Макондо рассказана их собственная история, они прониклись страстной любовью к Габриэлю Гарсиа Маркесу. И выражали свою любовь открыто.

На стене автомобильной мастерской начертаны слова: «Габриэль Гарсиа Маркес! Ты — Аракатака! Аракатака, ты — колыбель культуры, в которой родился гений!» На стене фермы: «Ныне гудят барабаны бананового края в твою честь, Нобелевский лауреат!» На дребезжащем деревянном автобусе: «Аракатака — столица мировой литературы».

Сара Валенсия Абдала, гувернантка, отправила Габриэлю Гарсиа Маркесу телеграмму: «Ты показал, кто мы такие, всем народам мира, и мы в твою честь проведем в Аракатаке новое уличное освещение, телефон и другие чудеса Святого Габриэля Нобелевского». Местный художник Луис Агамес пишет все ту же картину: печальный деревянный дом в тропиках, родной дом лауреата. Учитель Рафаэль Дарио Хименес изливает душу в стихах о «тоске по погубленным плантациям бананов». «Габриэль Гарсиа Маркес» теперь зовут самого лучшего в Аракатаке бойцового петуха, а именем «Макондо» названы отель, ресторан и бильярдный салон, новый сорт дыни и рекламное агентство...

Суббота. Бильярдный салон «Макондо». Мягко стука-

ЧТО ПИШУТ... ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ... ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...

...Ночью Хосе Аркадио Буэндиа приснилось, будто на месте лагеря поднялся шумный город и стены его домов сделаны из чего-то прозрачного и блестящего.
Он спросил, что это за город, и услышал в ответ незнакомое, довольно бессмысленное название, но во сне оно приобрело сверхъестественную звучность: Макондо.
На следующий день он убедил своих людей, что им никогда не удастся выйти к морю.
Приказал валить деревья и расчистить в самом прохладном месте возле реки поляну, на ней они и основали селение...

ются друг о друга шары, грохочут костяшки домино, воздух пахнет морем и рыбой, сверкают на солнце лужицы пива. Рядом с местным ветеринаром, практикующим, естественно, без диплома, сидит полицейский в майке и трусах. Они сдвигают пивные кружки — первый тост, конечно, за здоровье Габриэля Гарсиа Маркеса, «нашего Габито»! А потом поют знаменитую песню, что стоит во главе «хит-парадов» Колумбии. Песню о «мельнице воспоминаний», о «тоске Аурелиано Буэндиа», о «наделенном колдовской силой Мелькиадесе», и, подхватывая рефрен, все присутствующие скандируют: «Сто-лет-о-дино-чес-тва!»

Потом нас ведут к старому дому. Показывают растрескавшуюся ограду, клянутся: от этой стены отдирала ногтями известку полоумная Ребекка и тайком поедала ее вместе с землей из этого сада. Цементная плита рядом с домом: здесь Хосе Аркадио Буэндиа занимался алхимией и пытался, расплавив золотые дублоны жены с касторовым маслом и свиным салом, удвоить количество золота. «Здесь родился наш Габито!»

Последнее завоевание началось сто лет назад. Подобно фрегатам испанцев и кораблям сэра Фрэнсиса Дрейка, новые завоеватели явились с моря. Теперь это была «Юнайтед фрут компани» из Бостона. Компания скупала по дешевке фермы и нанимала рабочих. И вскоре в Аракатаке (Макондо?) наступил банановый бум.

Город роскошествовал. Пока рабочие на плантациях до изнеможения трудились ради великой цели — процветания компании «Юнайтед фрут», томные дамы приглашали друг друга на «файф-о-клок», а раздушенные, напомаженные, с завитыми усами господа развлекали невест танцами под пианолу. С особым шиком танцевали в те времена кумбиамбу: вместо горящих свечей — так утверждают в Макондо (Аракатаке) и по сей день — держали в руках зажженные доллары.

В угоду «мистерам» Макондо перекраивался на «европейский» лад. Из Франции прибывали модные туалеты, а из Венеции зеркала, кружева — из Брюсселя, из Германии — аккордеоны для модного танца танго. Полиция бдительно охраняла развлекавшихся богачей, а по темным улицам без помех разгуливали джентльмены удачи. По ночам гремели выстрелы, коротко вскрикивали очередные жертвы уголовников, и жители Макондо были «вынуждены засыпать не иначе, как с пистолетом под подушкой» — так в 1924 году писала газета «Эль Паис».

«Юнайтед фрут» вгрызалась в страну все глубже, проглатывая ферму за фермой, гектар за гектаром. Банановая компания охотно предоставляла разоренным крестьянам кредит — человеку достаточно было только переписать на имя компании свой дом и двор. «Carta de esclavitud» называли должники эти договоры, «Удостоверения о рабстве».

Осенью 1928 года разразилась буря — первая массовая забастовка в истории Колумбии. Рабочие блокировали железную дорогу, в поездах гнили бананы. 5 декабря более двадцати тысяч «бананерос» собрались на привокзальной площади городка Сьенага для переговоров с хозяевами. Их уже ждали. Не представители банановой компании из города Бостона, штат Массачусетс, США, а колумбийские войска с пушками, пулеметами и винтовками.

Великой тишиной встретила следующее утро Сьенага. За ночь трупы успели зарыть в огромных могилах или сбросить в море. Сколько людей тогда было застрелено, заколото штыками — неизвестно и по сей день. Кровавая бойня предана забвению, ее дата вычеркнута из календаря истории.

«В Латинской Америке забывают три тысячи мертвых, если так повелел закон»,— писал Габриэль Гарсиа Маркес.

Но вот по каким-то своим соображениям «Юнайтед фрут» покинула разграбленную страну. И город быстро превратился в унылое заболоченное местечко на реке Магдалене: проливные дожди, москиты, чахлые миндальные деревца. Рельсы железной дороги, по которым недавно еще катился банановый поезд, опутывали молодые побеги, деревянные вагоны тлели под лучами карибского солнца — Макондо пришел в упадок при жизни одного поколения.

О «золотом веке» напоминает заносчивый беломраморный павильон на рыночной площади. Щербатые лестницы, внутренние дворики, где самоуверенные гринго попивали свои коктейли и ликеры.

И воспоминаниями о роскоши поражают иные дома на сваях, прямо над болотом. Снаружи клубятся москиты, внутри — Париж! Флоренция! Брюссель! — выгибают свои лебяжьи спинки стулья в стиле всех Людовиков, красуются меланхоличные светильники цвета ярь-медянки... А со стен смотрят старые фотографии — прекрасные светлые лица женщин.

Отсюда уехал учитель, потому что его жалованье приходило с опозданием или не приходило вовсе. Бездействует церковь, под сводами шныряют летучие мыши.

...В этом заброшенном селении жил с давних пор один креол, звали его Хосе Аркадио Буэндиа, он занимался разведением табака; вместе с ним прадед Урсулы наладил такое прибыльное дело, что за короткий срок они оба сколотили себе хорошее состояние. Несколько столетий спустя праправнук креола женился на праправнучке арагонца. Каждый раз, когда очередное сумасбродство мужа выводило Урсулу из себя, она перескакивала одним махом через триста лет, наполненных разными событиями, и принималась проклинать тот час, в который Фрэнсис Дрейк осадил Риоачу...

...Аурелиано, первому человеческому существу, родившемуся в Макондо, должно было в марте исполниться шесть лет. Мальчик был молчалив и замкнут... В животе у матери он плакал и родился с открытыми глазами...
Урсула вспомнила этот напряженный взгляд в тот день, когда трехлетний малыш Аурелиано вошел в кухню и она при нем перенесла с плиты на стол горшок с кипящим супом. Ребенок, в нерешительности помявшись у порога, сказал: «Сейчас упадет».

...и, когда в понедельник встала заря, не спал уже весь город. Сначала никто не беспокоился.
Многие даже радовались — ведь в Макондо дел тогда было невпроворот и времени не хватало. Люди так прилежно взялись за работу, что в короткий срок все переделали и теперь в три часа утра сидели сложа руки и подсчитывали, сколько нот в вальсе часов.
Те, кто хотел заснуть — не от усталости, а соскучившись по снам,— прибегали к самым разнообразным способам, чтобы довести себя до изнурения. Они собирались вместе и болтали без умолку, повторяли целыми часами одни и те же анекдоты...

...Голова его, теперь уже с глубокими залысинами, казалась высушенной на медленном огне. Разъеденное солью Карибского моря лицо приобрело металлическую твердость. Он был защищен от неизбежного старения жизненной силой, имевшей немало общего с внутренней холодностью...

Мангровый лес, откуда приходили к людям живые духи и одаривали их вдохновением, тоже безмолвен. Когда построили здесь бетонную дамбу и речки заставили течь по трубам, чтобы оросить банановые плантации, пресная вода ушла, и мангровый лес умер. На долгие километры тянется вдоль побережья болото. Какую поэзию может источать эта гниль? Одни лишь болезни.

«Маленькая деревня — большой ад», утверждает колумбийская пословица.

Нет, люди Макондо не изменились с той поры, когда в год великой бойни родился Габриэль Гарсиа Маркес. По-прежнему ходят вдоль реки Магдалены знахари и ясновидцы. На рынке в Сьенаге восседает у своего лотка Педро, розничный торговец талисманами, прекрасными средствами от всех недугов, включая страх и нищету. Зубы тапира — от лени, маринованные коренья с Амазонки — чтоб уберечься от порчи, чеснок — для укрепления силы. Сегодняшний Мелькиадес, Педро, путешествует с чемоданчиком марки «Самсо-

нита» и раздает направо и налево свои визитные карточки. Чародейский товар он закупает на фабриках: загадочные корешки, упакованные, как чай, в пакетики, маленькие черные магические фигурки из лака, они изображают «невидимых целителей» и сотнями сходят с конвейера.

Полгода назад одно семейство поместило объявление в газете с просьбой к охотникам не застрелить нечаянно члена их семьи: «Если вы увидите лесного кота,— говорилось в объявлении,— не стреляйте: возможно, это наш дядя, он был превращен в лесного кота за тяжкие грехи...»

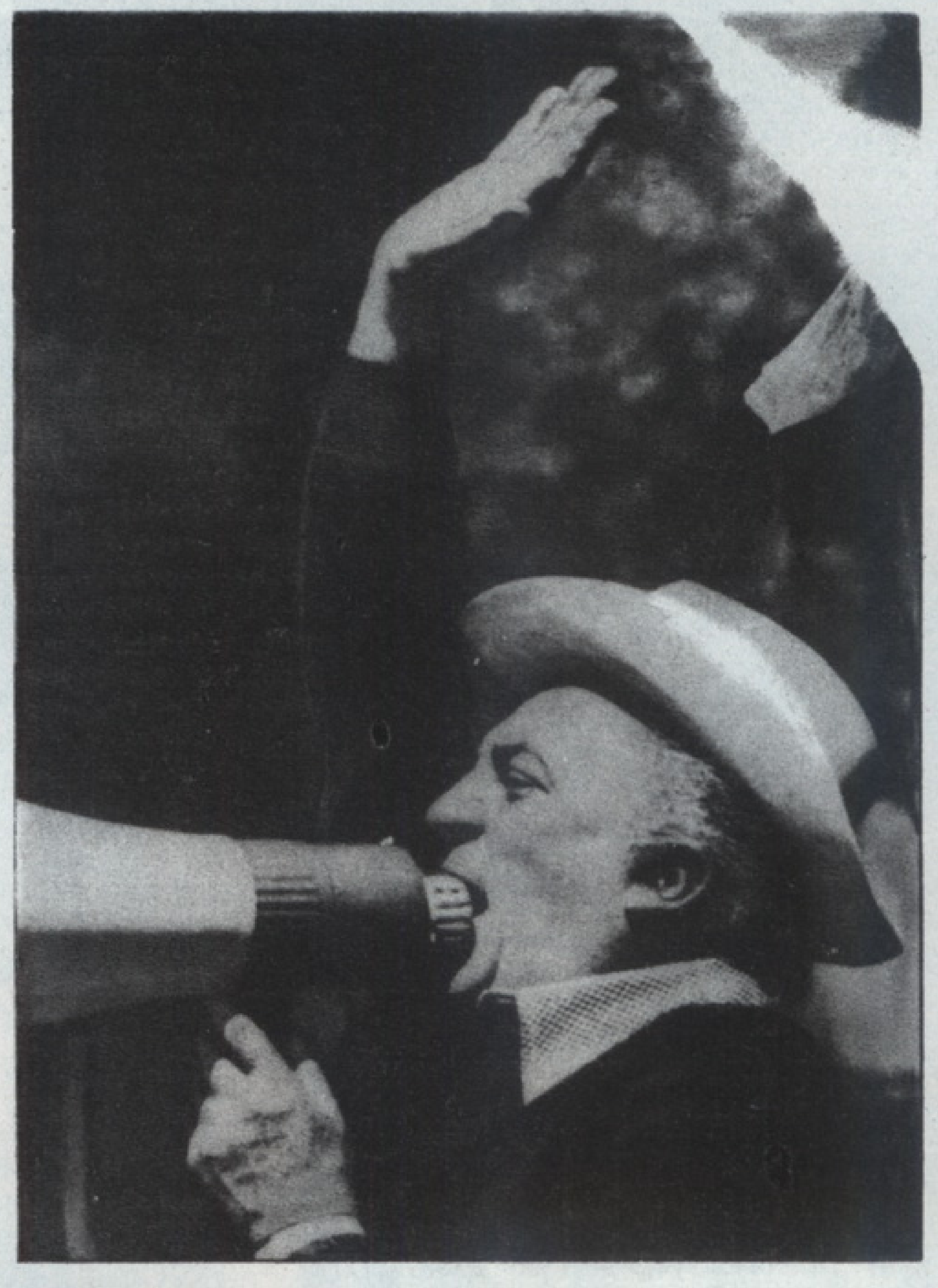
Утро 11 декабря 1982 года. Жители провинции Магдалена решили отпраздновать присуждение своему земляку Нобелевской премии. Вспомнили о старом банановом поезде, и еще разок ворвался в тишину резкий гудок локомотива, еще раз сдвинулся с места тот желтый поезд.

Пятитысячная процессия шла на праздничное богослужение, звучала музыка, дымилось бесплатное баранье жаркое, люди танцевали на улицах, и у каждого в горле стоял комок. Люди обнимались, плакали и кричали: «Габито! Приезжай, наш Габито! Да здравствует наш дорогой Габито, архангел литературы!»

Потом неведомо откуда появился самолет, это был самолет богача-землевладельца Хаиме Серрано, он сделал над площадью круг, и с неба посыпались желтые бабочки, напоминание о механике Маурисио Бабилонье, человеке с рабочими руками, о пропахшем машинным маслом мастеровом, который всегда появлялся в сопровождении желтых бабочек.

Для людей Аракатаки это был великий день. Нищий тропический поселок целый день перетряхивал свою историю, историю проклятого желтого плода, проклятой банановой компании, проклятой заболоченной провинции. Но в этот неповторимый день люди Аракатаки не были потомками банановых рабов — они принадлежали к героическому роду Буэндиа. Они были гордыми и счастливыми гражданами литературного государства Макондо.

Перевела с немецкого
Г. ЛЕОНОВА

Шутка всерьез, или Обед с Феллини

Клаус ЛУТТЕРБЕК,
западногерманский журналист

То и дело открываются двери крохотного офиса, кто-нибудь заглядывает и спрашивает: «Он уже тут?» Секретарша за письменным столом только качает головой. На единственном стуле перед столом сидит загорелая красотка в белом мини-платье. Мы разглядываем друг друга недоверчиво, потому что оба мы приглашены на половину первого. Федерико Феллини появляется в дверях без опоздания, коротко скользит по мне взглядом, целует красотку в обе щеки и опять пропадает. С ней.

Так, думаю я, это надолго. Десять месяцев пытаюсь я встретиться с ним, чтобы поговорить о его новом фильме, десять месяцев меня уговаривают подождать, водят за нос, отменяют приглашения. А теперь это. В голове я уже сочиняю беспорядочную статью, которая изобилует общими местами: паша́, высокомерен, лжец, тщеславен и так далее.

Я все еще ярюсь про себя, в то время как шофер везет меня в ресторан. Ну, подожди, думаю я, теперь от меня хотят отделаться хорошим обедом, но...

Феллини сидит в углу шумного ресторана «К раю на земле». Когда я подхожу к столу, он спрашивает своего пресс-агента: «Сколько он ждал?» — «Десять месяцев». Феллини: «Это еще куда ни шло». И прежде чем я успеваю задать свой первый вопрос, он начинает отвечать: «Дорогой... эээ (он дальнозорок и вертит мою карточку в руке, с трудом разбирая имя), итак, дорогой Клаус, этот фильм я начал год назад. Больше я ничего не помню. Несколько глупостей, которые можно сказать по этому поводу, я уже сказал».

Чудесно, думаю я, еще вчера пресс-агент передал мне: «У вас только полчаса, Феллини просит задавать короткие простые вопросы о фильме». Феллини накладывает мне картошку на тарелку: «...как настоящий немец,— смеется он,— ну а почему мы не говорим о моем следующем фильме?»

— С удовольствием,— говорю я.

— Но у меня нет идеи для следующего фильма.

— А как приходят вам идеи?

Феллини раздраженно поднимает глаза от тарелки:

— Как я уже говорил во многих автобиографических книгах, это происходит так: я подписываю договор, кладу в карман большой аванс, не хочу выплачивать его назад и должен потому заставить идею прийти мне в голову. Это и есть вся правда о моем творческом процессе. Но обещаю, как только я узнаю об этом что-то еще, я поделюсь с вами.

Он подает мне зеленую фасоль и хитро смеется. Его живые глаза все время блуждают по залу. То и дело он посылает загорелой красавице воздушные поцелуи. Она сидит на два стола дальше и смотрит оттуда злым взглядом.

Феллини говорит без моего вопроса:

— Я терпеть не могу интервью. Я их много дал, все без охоты, я считаю их дурной привычкой, смесью полицейского допроса с экзаменом. Я начинаю заикаться.

Что я должен, собственно, сказать?

— Расскажите все же о вашем фильме.

— Перед фильмом я не могу болтать о такой тонкой работе. Я тогда упрям, как баран, ищу ссор, как всегда, когда я готовлю новый фильм... Да, таково мое внутреннее состояние перед фильмом: почти ненависть, во всяком случае — глубокая антипатия. Во время съемок у меня нет времени. А после? Это же не имеет смысла. Ведь фильм уже есть.

Мы едим шпинат, за столом тихо. Феллини:

— Я здесь, чтобы дать интервью. Спрашивайте дальше.

— Что я должен спрашивать, если вы не отвечаете?

Он смеется:

— Вы были на съемках?

— Да, дважды. Я хотел поговорить с вами.

— А я что сказал?

— Вы очень любезно сказали «да», послали меня к пресс-агенту, а он очень дружелюбно сказал «нет».

Феллини сияет:

— Мы всегда так делаем.

— Теперь вы расскажете мне о вашем фильме?

— Ах, это очень утомительно — распоряжаться! Я имею в виду не приказывать, нечто большее, быть единственным, кто знает, куда движется вся история. Если все к тому же высказывают свое мнение, корабль где-нибудь да пойдет ко дну.

— Вы знали, куда идет вся история?

Феллини делается зол:

— Как можно вообще задавать такой вопрос?

— Разве вы сами не способствовали тому, чтобы создать этот образ: гениальный Феллини, творящий в обстановке хаоса?

— Чушь. Я не тот фольклорный герой, не тот человек Ренессанса из Италии, каким меня все время выставляют газеты!

Его плохое настроение улетучивается так же быстро, как пришло. Лицо снова принимает хитрое выражение, словно он хочет сказать: «Внимание, то, что последует сейчас, вполне может оказаться правдой!»

— Моя работа протекает так же точно, как перед запуском ракеты. Высочайшая точность. Абсолютная математика.

— Это правда?

— Сим поручаю вам распространить мой новый образ: вы говорили с математиком, инженером, алгебраистом, химиком, физиком и доктором астрологии Федерико Феллини!

— Да через четыре недели вы сами будете опровергать все это!

От души смеется, и его глаза глядят хитро.

— Голосовали ли вы во время последних выборов?

— Послушайте, я человек, который живет в Чинечитте, ну, и я могу рассказывать вам только что-нибудь об этом городе фильмов. Я любопытен ко всему, что случается вне Чинечитты, все это нахожу весьма запутанным... Я хватаю оттуда все, что мне может понадобиться, тащу в стены Чинечитты, чтобы сделать из этого фильм. Но о жизни там, снаружи, я не могу вам ничего сказать.

— О чем же тогда? О фильме вы тоже ничего не хотите сказать.

Полчаса как раз прошло.

— Это — поезд, потому что моя судьба — поезд, который привез меня к тому, что я сделал «$8^1/_2$», «Сатирикон» и теперь «Корабль»...

— Так просто...

— Я мог бы попробовать посмотреть назад и найти маленькие события, которые привели к тому, что...

— ...я думаю, это было бы увлекательно.

— Да, я тоже, но я не думаю, что я это смогу.

Официант приносит раков. Феллини говорит: «Прекрасно!», и принимается за еду.

— Как называются раки по-немецки? — спрашивает он меня.

— Тоже скампи.

— Ага, тоже скампи! Вам нравится в Италии? — Он надкусывает клешню и высасывает ее.

— Очень! — говорю я со ртом, полным скампи.

— Немцы, они любят Италию. Гёте. Италия — она скорее мать, фемина, мягкая, соблазнительная. У вас скорее культ отцов, Вотан...

Скампи трещат.

— Я думаю, нам, немцам, есть чему тут поучиться. Мы не можем сегодня рассказывать одно, а завтра другое, как вы, например. Мы всегда серьезно воспринимаем то, что мы говорим.

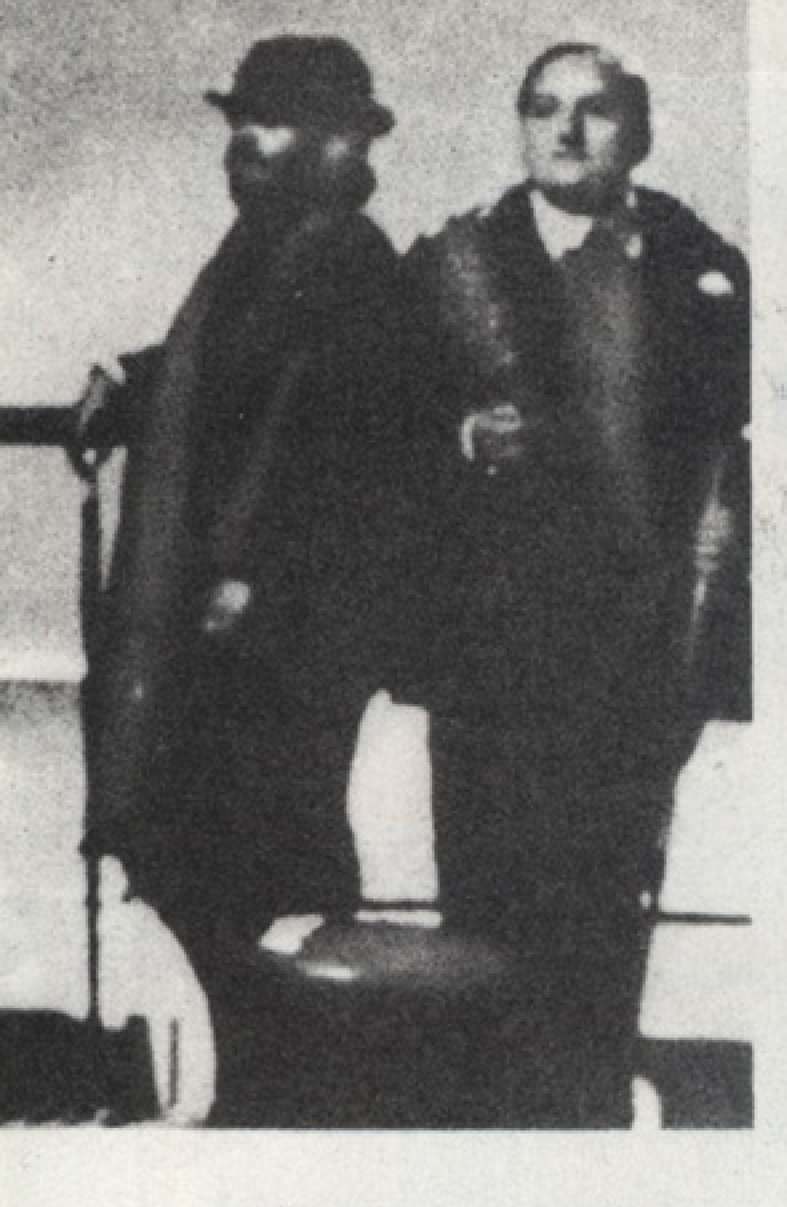
— Послушайте, сокровище мое, меня всегда очень смущает, когда во время интервью меня сталкивают с тем, что я когда-нибудь кому-нибудь должен был рассказать. Это те же самые вещи, которые я рассказывал когда по дружбе, когда из сострадания или потому, что мы так договорились...

Официант приносит нам рыбу. Феллини раскладывает по тарелкам. К счастью, я вспоминаю, что читал по пути к Феллини, что и он в молодости работал журналистом. Я спрашиваю его:

— Когда вы были журналистом, что сделали бы вы с режиссером, который не может ничего вспомнить о своих фильмах?

Его пресс-агент начинает хихикать, Феллини смотрит удивленно. После долгой паузы он начинает нерешительно:

— Я писал как-то для маленькой киногазеты. Ее выпускал портной неподалеку. Правда, портной. У него на пиджаке всегда были нитки. Я должен был для него проинтервьюировать Тото. Он тогда еще не был кинозвездой, а выступал в загородных варьете. Он робел в присутствии журналиста, говорить

«Татаркорд, Федерико?», «Ты помнишь, Федерико?» — так на римском диалекте называлась выставка фотографий, сделанных на съемках фильмов Феллини. Слева направо: Феллини с Марчелло Мастрояни («Город женщин»), с Сарой Джейн в последнем фильме режиссера «И плывет корабль», с Дональдом Сазерлендом («Казанова»).

он вообще не хотел. С угрюмой физиономией он сказал мне на неаполитанском диалекте: «Напиши! Мне нравятся две вещи: деньги и киски!» Я из Римини, не понял выражения на диалекте. Я думал, это название книги, как Коран или откуда я знаю что, новый вид спорта, йога... Я это так и написал... Тото очень понравилось.

Между тем за столом две минуты назад произошла перемена. Любезный, но скучающий суперрежиссер, который давал почувствовать каждым жестом и каждой фразой, что и в этот раз он не желает давать то, что по всем канонам называется интервью, превратился в Феллини. Его глаза блестят, он жестикулирует, в его голосе вдруг так же много оттенков, как в его фильмах...

Перед нами возникает ателье, в котором между делом делается киногазета, я вижу нитки на пиджаке портного. «Когда надо было брать интервью у женщин, он всегда шел сам».

Феллини делит абрикос.

— Если бы передо мной был сейчас кто-то, похожий на меня, кто попросту помолчал бы, тогда я рассказал бы что-нибудь такое...

— Отлично,— говорю я,— дальше!

Следует история о том, как Феллини однажды должен был писать для провинциального листка об известнейших велогонках Италии — Giro d'Italia.

— Я не был спортивным человеком, скорее был немного безразличен к этому общенациональному событию. Ну и я больше высматривал вещи, которые меня интересовали. Например, как они сидят на велосипедах.

При этом Феллини сдвигается со стула и представляет, как они сидели...

— А что у них были за задницы! Боже мой! Первая часть моего материала имела некоторый успех. Вторая вызвала волнения. Речь шла об одном гонщике, здоровенном парне. Он хватал свой велосипед, как игрушку, зажимал его ногами и гнал вперед... Как машина. В Пескаре, где был отдых, он захотел пойти погулять с девушкой, но девушку увели тренеры, а его заперли в номере. Бушевал там и ревел. Я это видел и все написал. Через день, когда материал как раз только что появился, парень обнаружил меня на старте и помчался за мной через весь стадион Рити. Я упал, и, увы, он меня настиг. Мой издатель с этого момента больше не хотел со мной работать.

— Вы хотели стать журналистом?

— Да, или актером, или скульптором, или художником. Моя мама всегда хотела, чтобы я был священником. Или чтобы я по крайней мере сдал какой-нибудь экзамен. Даже сегодня, когда ей 87, она спрашивает меня: «Не было бы лучше, если бы ты сдал экзамен? Тогда бы у тебя было по крайней мере что-то серьезное...»

— Ваша мама смотрит ваши фильмы?

— Больше нет. После «Сладкой жизни» наступил конец. Тогда был священник в Римини, такой старый прелат, он рассказал моей маме, что она произвела на свет дьявола. Она, как добрая католичка, конечно, ужаснулась и увидела себя отныне вместо матери священника матерью дьявола.

— Вы ходите в кино?

— Нет. Даже ребенком я едва туда заглядывал. Меня всегда больше привлекало выдумывать самому себе, стоя перед киноафишами, что там произойдет.

— Какой же фильм вы смотрели последним?

— Превосходный, великий фильм испанца Бюнюэля «Скромный шарм буржуазии».

— Но этому фильму уже несколько лет.

— Да? Я его видел по телевизору. С Бюнюэлем я познакомился в Каннах, великолепный тип со своим слуховым аппаратом в ухе. Знаете, что он сделал? Он дал оплеуху кинокритику, точно, журналисту из «Штерна».

— Правда? А как его зовут?

— Все чушь, полная неправда. Но Бюнюэль действительно однажды вмазал одному, который написал что-то гнусное о моем фильме.

— А ваш новый фильм? Что же происходит в фильме?

— Я не знаю... Посмотрите его.

Перевел с немецкого
А. ЯСЕНЕВ

В НОМЕРЕ:

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (ответственный секретарь), А. С. ГРАЧЕВ, Ю. А. ДЕРГАУСОВ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора), Б. А. СЕНЬКИН, В. Г. СИМОНОВ

Художественный редактор Е. А. Гричук
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор А. Т. Бугрова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-78. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 14.12.83. Подп. к печ. 20.01.84. А07310. Формат $84\times108^1/_{16}$. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,4. Уч.-изд. л. 5,7. Тираж 1100000 экз. Цена 35 коп. Заказ 2138.

Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Этот маленький француз и его отец (первая страница обложки) вышли на демонстрацию в защиту мира. «Я хочу конфет, а не бомб» — написано на плакате, который держит мальчик.

Мы продолжаем публикацию песен, прозвучавших на VIII Международном молодежном фестивале песни «Красная гвоздика», который состоялся осенью прошлого года в Сочи.

«Песню мужества» композитора Карлуша Мендеша на стихи известного португальского поэта Жоакима Пессоа исполнил певец из Лиссабона Фернанду Перейра. Фернанду получил третью премию жюри и специальный приз ежемесячника «Ровесник» — за артистизм и яркое сценическое воплощение образа.

Несмотря на молодость — ему двадцать четыре года,— у Фернанду давний боевой стаж. Пятнадцатилетним мальчишкой он участвовал в революции. «Португальскую революцию называют «Революцией гвоздик», но этот красивый образ не так уж точно отражает действительность. Помимо цветов, были и пули — одну из них получил и я во время уличных боев. Да и в сегодняшней Португалии нас, коммунистов, власти отнюдь не стремятся забрасывать цветами. Я участвую во всех мероприятиях, проводимых по инициативе ПКП и Коммунистической молодежи Португалии, во время предвыборных кампаний, на праздниках газеты «Аванте!» — песни мужества нужны нам всегда».

Аранжировка В. Полежаева, русский текст В. Татаренко.

Nem que a morte me soltasse
Todas as velas do sangue
Deixaria a minha casa
Como se fosse poupado
Nem que a morte me soltasse
Todas as velas do sangue
Nem que a morte me dissesse
Virás de noite comigo
Eu trairia um amigo
Nem que a morte me levasse
Nem que a morte me dissesse
Nem que a vida me fugisse
Nem que a morte me fechasse
Todas as portas do sonho
Deixaria de cantar
Nem que a morte me calasse
Nem que a morte me fechasse
Todas as portas do sonho
Nem que a morte acontecesse
Bem por dentro dos meus olhos
Eu deixaria de ver
Todo a amor de joelhos
Nem que a morte acontecesse
O meu amor eu cegasse
Ai nem que a morte viesse
Como só vem a tristeza
Eu me dava por vencido
Nem que a morte me doesse
Ai nem que a morte viesse
Como só vem a tristeza
E se a morte violentasse
As paredes do meu peito
Meu coracao lá estaria
Como uma rosa de esperança
Como um passaro de sangue
Como uma bala perdida

**Даже если смерть распустит
Надо мной кровавый парус,
Ветер злой меня не сломит,
Верным правде я останусь.
Даже если смерть распустит
Надо мной кровавый парус,
Даже если смерть мне скажет:
«Ночью ты пойдешь со мною»,—
Друг, не бойся, я не выдам,
Нашей тайны не открою.
Даже если смерть мне скажет:
«Ночью ты пойдешь со мною»,
Даже если смерть захлопнет
На пути к мечте все двери,
Буду петь я о надежде,
Буду этой песне верен.
Даже если смерть захлопнет
На пути к мечте все двери,
Буду петь я о надежде,
Смерть любовью побеждая.
Пусть, услышав эту песню,
Боль из сердца отступает.
Буду петь я о надежде,
Смерть любовью побеждая.
Ну а если смерть холодной
Сердце мне рукою схватит —
Сердце птицею забьется,
Улетит, прорвется к братьям.
Даже если смерть холодной
Сердце мне рукою схватит,
Даже если смерть раскроет
Надо мной кровавый парус,
Даже если смерть мне скажет:
«Ночью ты пойдешь со мною»,—
Встану в строй к друзьям-героям,
Верным делу я останусь.**

**Индекс 70781
Цена 35 коп.**